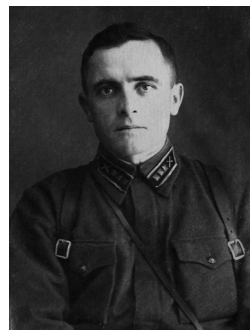

Ф. И. Лапко

СОЛДАТЫ 41-го

Воспоминания артиллериста-зенитчика

Ф. И. Лапко

СОЛДАТЫ 41-го

Воспоминания артиллериста-зенитчика

Посвящается победе нашего народа
в Великой Отечественной войне

Содержание

Введение	3
Начало Великой Отечественной войны	5
Противовоздушная оборона Москвы и Куйбышева	29
Харьковская операция	32
Переправа через Дон	55
К Сталинграду	57
Курская битва	62
На запад	75
Вперед, на Прагу! Победа!	77
Послесловие издателя	83
Федор Лапко — письма с войны	85

Лапко Федор Иванович

Солдаты 41-го. Воспоминания артиллериста-зенитчика.

М., ПОЛПРЕД-Справочники, II издание, 2014г., 100 стр.
(I издание — 2009г.)

© В. Ф. Лапко. ISBN 978-5-904113-02-5.

Совет ветеранов МИД РФ, ООО «ПОЛПРЕД Справочники»
119200 Москва, Арбат 55,

(495) 234-3435, (499) 244-3541, info@polpred.com

Отпечатано в ФГУП «ПИК ВИНТИ», 140010 Люберцы, Октябрьский пр-т 403.

Введение

Все больше лет отделяет нас от событий Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Но эта война навсегда останется в памяти человеческой. Где бы вы ни остановились, в каком бы уголке нашей страны ни побывали, всюду можно встретить людей, испытавших на себе тяготы войны, с болью вспоминающих погибших в тяжелейших сражениях и на временно оккупированных территориях родных и друзей.

Люди никогда не забудут зверства фашистских карателей: как они скашивали автоматной очередью первых попавшихся на глаза, забрасывали гранатами убежища, где прятались беззащитные люди, сжигали дома и целые населенные пункты вместе с их жителями.

Война стала сложнейшим испытанием моральных сил и материальных возможностей. В жизни нашего поколения она оставила неизгладимый след. Однако, несмотря на все потери, тяготы и лишения, наш народ отстоял независимость Родины и одержал победу над фашистской Германией.

Я родился в с. Константиновка на Кировоградщине. Отец был рядовым в Первую мировую войну, чудом выжил после тяжелого ранения разрывной пулей в грудь во время атаки.

В семье нас было четверо братьев. Все участвовали в войне с фашистской Германией. Два брата с войны не вернулись. Один пропал без вести в августе 1941 года, другой брат погиб в январе 1944.

Моя служба в армии началась в 1936 году рядовым. К началу войны имел воинское звание младший лейтенант.

Начало Великой Отечественной войны

После окончания курсов усовершенствования командного состава в г. Евпатории в 1940 году я получил назначение в Прибалтийский военный округ. Впоследствии был назначен на должность командира 1-й батареи 743 зенитно-артиллерийского полка 14 бригады ПВО, который дислоцировался в районе старых оборонительных крепостей (фортов), расположенных вокруг литовского города Каунаса. Батарея, которой мне пришлось командовать, несла боевое дежурство в форту № 6. До вхождения Литвы в состав СССР (август 1940) в этом форту была организована тюрьма, в которой происходило массовое уничтожение ни в чем не повинных людей, тех, кто не был согласен с фашистской диктатурой. На сводах внутри бетонных стен можно было прочесть множество надписей — это последние слова узников перед пытками и смертью.

В период оккупации Литовской ССР фашистской Германией в форту № 6 был организован массовый расстрел представителей всех народов Советского Союза, уничтожались старики, женщины, дети. Всего их было около 30 тысяч человек, многих заживо закапывали в землю.

Последняя мирная суббота 21 июня 1941 года... Как приятно было слышать напевы литовских девушек, они продолжались до позднего вечера. Потом наступила абсолютная тишина. На рассвете 22 июня около трех часов утра эта тишина была нарушена. Вначале меня разбудила приبلудившая к нам на огневую позицию овчарка, очевидно, и она почувствовало опасность, оставила своего хозяина, в поисках места для своего спасения. Я в эту ночь больше уснуть не смог, чувствовалось какое-то волнение, тревога, было не по себе.

Я разбудил политрука батареи т. Михайлова, а сам решил проверить огневую позицию и склады боеприпасов. Возвращаясь к палатке, в которой мы жили, я услышал шум мотора и вско-

ре увидел самолет. Дежурный разведчик на огневой позиции, наблюдая в бинокль, сказал мне: «Товарищ младший лейтенант, смотрите — кресты». Когда самолет подлетел ближе к нашей огневой позиции, оказалось, что это немецкий «Юнкерс-88». Он летел на высоте около 1000 метров в сторону аэродрома г. Каунаса, его преследовал наш истребитель И-16. Оба самолета вели огонь друг против друга. Во время стрельбы трассирующие пули проходили выше и ниже самолетов. Мы эту стрельбу приняли за учебно-тренировочные полеты, однако вскоре слышались взрывы бомб со стороны аэродрома. Позже выяснилось: одна из сброшенных бомб попала в жилой дом, остальные упали на взлетной полосе аэродрома. Я решил срочно доложить на командный пункт командира полка, но связи не было. Как было установлено впоследствии, телефонный кабель к тому времени уже был вырезан на участке около 200 м. Радиосвязи на батарее не было. В результате на некоторое время мы были лишены всякой связи с командным пунктом.

Вскоре немецкие самолеты полетели большими группами (по 20-25 самолетов в группе), в эшелонированном порядке с прикрытием истребителей. Пролетали они на 10-12 км западнее и восточнее батареи.

На батарее была объявлена боевая тревога. По сигналу весь состав занял свои места, перед расчетами была поставлена задача: обнаруживать самолеты противника и обеспечить надежное сопровождение. Умело и надежно действовали расчеты. Командир взвода и командиры оружейных расчетов доложили о полной боевой готовности. В эту же минуту в радиусе от 1,5 до 2 км от батареи вспыхнули пожары: горели скирды соломы, дома, сараи и другие сооружения. Разведчик, наблюдая за окружающей местностью, обнаружил, что в сторону батареи на большой скорости скачет всадник на рыжей лошадке. Это был начальник продовольственного снабжения нашего полка, который по прибытии к нам передал в устной форме сообщение: «Немецкие войска перешли границу Советского Союза, большими группами продвигаются в сторону г. Каунаса Литовской ССР. Наши пограничные войска ведут ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами врага». Начальник продо-

вольственного снабжения, передав распоряжение командира полка, тут же отправился на командный пункт. Появилась большая группа самолетов противника — шли стройно, красиво блестящая поочередно крыльями и носовой частью как зеркалами. Над ними баражировали истребители, словно на параде, однако несли они смертоносное оружие. Моторы работали с переливистым тяжелым гулом. Самолеты подходили к зоне сопровождения, с дальногомера начали четко передавать высоту и дальность. И вот последовала первая моя команда: «По головному самолету противника боевыми — заряжай», — и первый залп. Разрывы снарядов ложились кучно впереди летящих самолетов, они подходили к плотной зоне разрывов. В результате вынуждены были изменить свое направление и пройти курсом западнее батареи. Следом за большой группой появились два самолета на бреющем полете курсом строго на батарею, по ним был открыт ураганный огонь — и прямой наводкой был сбит самолет противника Ю-88.

В первом бою наши солдаты, проявляя стойкость и мужество, не дрогнули перед такой массой самолетов. Мы поклялись: что бы ни произошло, драться до последнего человека, не допустить ни единого воздушного и наземного противника к своим позициям. На батарее готовили боеприпасы, проверяли материальную часть орудий и приборов, установили круговое наблюдение за воздушным и наземным противником. Мы считали себя «обстрелянными», поскольку выпустили большое количество снарядов по самолетам противника, только никто из нас не видел убитых и раненых людей.

К вечеру звуки танковых и оружейных выстрелов стали громче — враг приближался. Весь состав батареи нервно переживал эти минуты в ожидании противника, очевидно, каждый про себя думал: не подведут ли нервы, как сохранить спокойствие. Настала ночь — и вновь пожары, стрельбы, взрывы. Обстановка все больше осложнялась.

Батарея продолжала нести боевую службу в течение всей ночи, проводилась большая работа по усовершенствованию инженерного оборудования огневой позиции: рыли окопы, ячейки, подносили боеприпасы, раскладывали по ячейкам гранаты.

К утру 23 июня мы увидели большое количество гражданского населения: литовцы, русские, белорусы. Люди бежали, спасаясь от фашистских захватчиков, обращались друг к другу и к нам за советом и помощью: многие не понимали что делать, в каком направлении двигаться, а с ними ведь дети и старики.

В эту трудную минуту обстановку усугубляли предатели, трусы и диверсанты, которые вносили дезорганизованность, сбивали с правильных маршрутов. Они говорили, что все дороги отрезаны, отходить некуда, кругом немцы. Фашистские самолеты расстреливали мирных жителей, сбрасывали листовки с призывом сдаваться. Многие, кто клюнул на эту удочку, впоследствии были расстреляны.

23 июня в 4 часа утра от заместителя начальника штаба полка я получил устное распоряжение оставить огневую позицию и срочно следовать на зеленую гору г. Каунаса в район сосредоточения. Там будет вручен приказ о дальнейшем действии батареи. Это означало, что нам необходимо совершить около 10 километров марша от форта № 6 до зеленой горы, при наличии одного трактора и автомашины ГАЗ-53. Медлить нельзя ни одной минуты. И передислокация началась. К трактору прицепили два орудия, 85-миллиметровые зенитные пушки. Оставшиеся два орудия поочередно перевозили автомашиной ГАЗ-53 с помощью огневых расчетов, которые в трудных местах просто тянули их на себе.

Марш совершался около 5 часов вместо 40 минут. Наибольшие трудности мы испытывали в движении по городу, так как все улицы были запружены людьми, различными видами транспорта. Везде шум, крик, плач. Такая обстановка морально действовала и на солдат, они зачастую терялись, не зная, что делать, тем более, что нам приходилось по несколько раз возвращаться, оказывать помощь своей колонне и давать советы уходящему населению.

Батарея сосредоточилась в указанном районе, приказ командира полка был выполнен полностью и в срок. Казалось, все в порядке, трудности позади. К сожалению, на деле оказалось совсем иначе. В данном районе никого из состава нашего полка и других воинских частей не оказалось. Как стало из-

вестно, командир полка майор Алейников со своим штабом выехал из Каунаса значительно раньше. К месту нашего сосредоточения начали стекаться со всех концов отдельные военнослужащие из частей и подразделений, которые по разным причинам отстали или потеряли связь со своими штабами и командирами. Они спрашивали у нас: где противник, как обстоят дела на нашей границе, какие изменения произошли в течение дня, как быть, что делать? Они задавали те же вопросы, которые интересовали и нас. В это время фашистские самолеты начали совершать массированные налеты, контролировали все дороги и населенные пункты, расстреливали из пулеметов всех и все, что было обнаружено. Стала слышна артиллерийская стрельба и воздушные разрывы снарядов совсем рядом. В эту минуту весь личный состав батареи готовил себя к бою, а материальную часть, орудия, автотранспорт — к походу. Помощи и совета ожидать неоткуда, обстановка требовала принятия срочных решений. В воздухе наших истребителей, которые могли бы противостоять численному и техническому превосходству гитлеровской авиации, не было. Немцы летали безнаказанно, каждую минуту росло число жертв, в первую очередь, среди мирного населения.

Перед совершением марша на батарее состоялось, можно сказать, нечто похожее на заседание Военного совета, на котором было принято важное решение: принять все меры для сохранения боевой техники. За этот пункт проголосовали единогласно, и это стало для нас боевой задачей. В плен не сдаваться, с материальной частью не расставаться, кому судьба умереть — умирать героем, останешься в живых — бей врага со всей силой, не жалея сил, здоровья и самой жизни.

В 17 часов 23 июня батарея начала совершать свой марш в направлении г. Двинск (ныне г. Даугавпилс), — искать наши оборонительные рубежи. Нам совершенно не было известно направление дорог, кругом незнакомая местность, топографических карт не было. Мы могли ориентироваться только по общему движению гражданского населения и отдельных военнослужащих, которые также получали информацию от местного населения: куда ведут дороги, где противник, а в общем — дер-

жали курс на восток. Не проехав и двух километров, слева, в 500 метрах от дороги, по которой мы начали совершать свой марш, заметили не совсем удачно замаскированную зенитно-артиллерийскую батарею. Вначале мы обрадовались. Подумали, что мы не одни и наше направление правильное. Пришла мысль, что где-то впереди неплохая ловушка для немцев. Естественно, что там, где расположены зенитные части, может быть главное направление движения или расположение воинских частей, которые должны прикрываться от воздушного противника. Я подал команду свернуть с дороги, рассредоточиться и принять все меры для маскировки до выяснения обстановки. Сам с двумя разведчиками отправился на обнаруженную огневую позицию, чтобы узнать обстановку и, возможно, получить боевую задачу для прикрытия наших войск в обороне. Оказалось, что все наши предположения ошибочны, и зенитная батарея оставлена нашим полком из-за отсутствия транспортных средств. Причем вся материальная часть была в полной исправности и боевой готовности. Видимо батарея вела огонь до последнего, так как на позиции валялось большое количество стреляных гильз. Перед нами возникли новые сложности: надо было решать, как поступить в такой обстановке. Нужен транспорт, горючее, боеприпасы, продукты. Всего этого нет.

К нашему счастью, со стороны зеленой рощи примчался к нам на помощь шофер на грузовой машине ЗИС-5, которая принадлежала авиачасти с Каунасского аэродрома. В то время машина ЗИС-5 считалась самым мощным и хорошим видом транспорта. Жаль, прошло много времени, не смогу точно вспомнить фамилию водителя, кажется, Денисов (в дальнейшем я буду называть его так). Но сам факт забыть нельзя, потому что этот человек показал себя настоящим преданным долгу воином.

При сложившейся обстановке, когда враг с минуты на минуту мог появиться в этом районе, у нас на батарее решался вопрос о материальной части, оставленной подразделением нашего полка. Товарищ Денисов одним из первых поддержал инициативу вывезти прибор ПУАЗО-3 (прибор управления зенитно-артиллерийским огнем), который только начал посту-

пать на вооружение частей. Мы считали, что он в дальнейшем должен заменить наш морально и технически устаревший ПУАЗО-2, который, к сожалению, все еще находился на вооружении зенитно-артиллерийских частей. Что касается оставленных орудий, то они были выведены из строя. После всех организационных мероприятий пришел час совершить самый сложный для нас марш. Его трудность заключалась в том, что противник проскочил далеко вперед, так как наши части не смогли оказать серьезного сопротивления на данном направлении. Задачи сложнее не может и быть, но нужно было сохранить организованность, не растеряться при любой обстановке. Политрук т. Михайлов в этот тяжелый час умудрялся находиться там, где опасно. Он своим личным примером, добрым словом умел поддерживать моральный дух солдат и командиров, прививал чувство ответственности и уверенность в своих силах. Он прекрасно понимал, что при проявлении малейшей трусости мы могли бы потерять многое: людей, технику. Мы стали примером не только для военных, но и для гражданских лиц, уходящих на восток.

Для совершения марша были приняты все меры маскировки, за машинами следовали огневые расчеты с массой веток в руках, наша колонна была похожа не на боевую единицу, а на зеленую аллею.

Двигались в основном по шоссейной дороге, при появлении вражеской авиации колонна останавливалась, скорость движения была небольшая. В общей сложности до наступления темного времени нам удалось продвинуться примерно на 60 км. Эта медлительность объяснялась тем, что скорость нашего трактора с двумя пушками в среднем не превышала 20 км в час. Кроме трактора, как уже говорилось, мы имели в наличии еще одну полуторатонную машину ГАЗ-53 и позже принятую из другой части грузовую машину ЗИС-5.

Итак, мы имели всего три тягловые единицы, а для полного укомплектования батареи того времени необходимо было иметь семь-восемь автомашин, способных транспортировать все имущество, боевую технику на прицепе весом около пяти тонн. Поэтому, не имея такой возможности, на всем пути на-

шего движения приходилось тянуть орудия силами орудийных расчетов. Большую помощь нам оказывали и гражданские лица. В общем, в этом движении участвовали все: военные и гражданские, спасая боевую технику, которая была так необходима для нашей армии. Все мы прикладывали усилия, чтобы как можно быстрее и дальше продвинуться вперед, на восток, для встречи со своими воинскими частями. Автоматная, танковая стрельба все ближе и ближе. У нас над головами появляются воздушные разрывы снарядов. Вражеские самолеты усиливали налеты, не давая покоя и отдыха нам и отходящим гражданским лицам. На бреющем полете один за другим немецкие самолеты сбрасывали бомбы, строчили из пулеметов. После каждого налета на дорогах и обочинах было множество убитых и раненых. В основном гибли беженцы, они двигались по обочинам дорог, более компактно, растерянно метались, не находя себе места во время бомбежки и обстрела. Была слышна ругань, выкрики: «Где наша армия? Почему ее нет? Куда делась наша авиация?» Некоторым казалось, что немцы уже окружали нас и идти дальше нет никакого смысла. Многие выбились из сил, не имея продуктов питания. Другие сами себя утешали, подбадривали — все равно немцам нас не одолеть; смотрите, мол, какая масса людей уходит, все дороги забиты, нам бы только быстрее дойти до старых границ, тогда все пойдет иначе.

Основная масса беженцев, собрав последние силы, с большими трудностями шла день и ночь. От усталости люди падали, на ходу спали. Все же большинство своей цели достигло.

Нашлись и такие, которые проявили малодушие, поддались на удочку провокаторов различных мастей, которым помогали трусы и предатели. Решив остаться, обманутые или малодушные, люди еще не знали, что такое фашизм и его война. Вскоре они столкнулись со зверствами фашистов на оккупированной территории. До сегодняшнего дня я помню лежащую в придорожном кювете убитую женщину, держащую в объятиях своего ребенка. Меня это потрясло. Только мать может с такой силой, до последнего дыхания бороться за своего самого близкого и дорогого ей человека и отдать за него жизнь. Женщина была до-

вольно крупная, у ребенка были светленькие, вьющиеся волосенки, примерный возраст — около трех лет. Женщина и девочка были одеты в одинаковые летние легкие платья голубого цвета в горошек, при них не оказалось ни документов, ни вещей. Они лежали окровавленные, я заметил, что у девочки изо рта пульсирующими легкими дозами идет кровь. Когда нам удалось освободить девочку из крепких рук матери, она была еще жива, но истекала кровью. Не прошло и 20 минут, как наступила смерть ребенка от ранения в животик, а мать ее погибла от сквозного ранения в грудь.

Уже совсем к вечеру из лесного массива слева от дороги, по которой мы двигались, показалось множество гражданского населения. Они отчаянно машут нам руками, платками, подают какие-то сигналы, до нас долетают крики — немцы в лесу.

Мы сразу приостановили движение и заняли оборону в придорожном кювете. Долго ждать не пришлось: примерно через десять минут мы услышали треск мотоциклов. Они выскочили из леса, вначале прострочили из пулеметов по гражданским лицам, затем помчались с небольшим интервалом между собой. Обнаружив нашу колонну тут же взяли курс на батарею. Мы не растерялись, подпустили их на самое близкое расстояние, и я только подумал: «Как бы не промахнуться при первом выстреле». Мне, бывшему охотнику, приходилось тренироваться в стрельбе по быстролетящим и движущимся целям. Поэтому я взял на себя миссию и ответственность произвести первый выстрел из винтовки, который должен был стать сигналом для открытия огня. Мой первый выстрел оказался удачным, головной мотоциклист сразу же перекувыркнулся вместе со своим мотоциклом. После стрельбы из личного оружия оружейных расчетов удалось уничтожить еще двоих мотоциклистов, остальные повернули обратно. Во время стрельбы из-за поднявшейся пыли и дыма не удалось рассчитаться с остальными. Это была первая встреча с наземным противником. После первой стрельбы в человека у меня появилось чувство страха. В жизни не приходилось испытывать такое состояние, я приложил все усилия, чтобы мои подчиненные не заметили моих душевных волнений, старался показать свою уверенность. Ко мне подошли коман-

дир взвода и младший политрук батареи т. Михайлов и говорят: «Теперь держись, не исключена возможность, что оставшиеся в живых мотоциклисты вскоре могут привести противника более сильного, с танками и пехотой». Я ответил, что в таком случае развернем свои орудия в боевое положение и их танки полетят в воздух вместе с пехотой.

Учитывая создавшуюся новую обстановку, тем более, что дело шло к вечеру и мы были оторваны от более крупных подразделений, необходимо было немедленно и быстро отсюда уезжать. Перед продолжением марша, уточняя маршрут движения, личный состав был ориентирован на соблюдение строжайшей дисциплины и боевой готовности по пути следования, чтобы врагу не удалось застичь нас врасплох. Колонна двигалась с интервалом примерно 50 метров между машинами. Я ехал на головной автомашине, младший политрук т. Михайлов — на последней.

После тридцатиминутного марша внезапно на бредущем полете появилась группа мессеров, которые вначале пробомбили нас, а затем, сделав разворот, стали обстреливать нашу колонну из пулеметов. После этого налета много осталось убитых и раненых людей, особенно из числа гражданских лиц. В этом же налете был тяжело ранен и наш политрук т. Михайлов, он получил ранение в голову. Ему была оказана необходимая помощь, и к утру его отправили на попутной машине в направлении Двинска, на этой же машине было несколько других раненых солдат и две семьи военнослужащих. Судьба этой машины и людей осталась мне неизвестной.

Несмотря на плохую дорогу, завалы из обломков разбитых и сгоревших машин, повозок, трупы убитых людей и лошадей, движение ночью для нас прошло благополучно. Затихла стрельба, наступила тишина, только слева от нас были видны отдельные очаги пожаров и изредка вспыхивали ракеты. Наверное немцы поужинали и отдыхали. Так считали гражданские, такое мнение сложилось и у нас.

За это тихое время мы продвинулись примерно на 80 километров. Наступил рассвет, позади осталось множество хуторов, населенных пунктов и наших граждан, которые также пробирались на восток, искали поддержку и спасение от врага.

К утру мы вынуждены были сделать остановку, чтобы отдохнуть, перекусить, если найдется пища, проверить материальную часть орудий, состояние транспорта и наличие горючего, уточнить наше положение в данном районе. Несмотря на окружающую тишину, на всякий случай, два орудия привели в боевое положение, остальную технику тщательно замаскировали, выставили наблюдателей. Некоторые солдаты склонились у орудия и уснули, другие сидели, переживая за себя и судьбу других людей.

Мне и другим командирам пришлось быть настороже, так как мы понимали, что обстановка в данном районе может измениться в любой момент и привести к непоправимому результату для всех нас и окружающих нас людей. Один из командиров взводов, лейтенант, несмотря на усталость, пошел к домикам, расположенным на расстоянии трехсот метров от нас, произвести разведку. Его разведка оказалась весьма удачной. Из домиков ему навстречу вышел мужчина, примерно 50 лет, и рассказал, что на хуторе никого нет, жильцы оставили свое хозяйство, а сами укрылись в лесу. Молодежь вечером ушла с воинскими частями, которые дислоцировались в г. Шяуляе. Дорога находится справа от нас за кустарниками, отсюда около одного километра. Немцев здесь не было, севернее, около 3 километров от хутора, наблюдались воздушные разрывы артиллерийских снарядов. Командир взвода убедился, что на хуторе кроме домашних животных действительно никого нет. Он тут же развернул свою полуторку и отправился дальше для уточнения расположения дороги, на которую указал встретивший его мужчина. Оказалось, что это действительно основная магистраль, идущая на г. Двинск. Вскоре он вернулся, и вместе с ним подъехали две грузовые автомашины ЗИС-5. Одна из них была нагружена хозяйственными свертками, другая — различным грузом и бочкой с бензином. Обе машины принадлежали воинской части, которая дислоцировалась в г. Таураги. Их часть вступила в бой с превосходящими силами противника и понесла большие потери, осталась без связи, и вот эти военнослужащие попали к нам. Вскоре вокруг нас начали собираться люди, шли со всех концов. Ругали фашистов, сообщали нам сведения о противнике, о тан-

ках, мотопехоте, об артиллерийских частях и их примерном расположении. Каждый из них стремился сообщить как можно больше точных сведений.

После короткого отдыха, уточнения обстановки, с учетом информации местного населения, мы решили немедленно продолжать свой путь. Мы прекрасно понимали, что врагу нет должного сопротивления со стороны наших частей, поэтому он вскоре должен появиться здесь. Примерно в 11 часов утра мы двинулись с места. Вдруг, совсем рядом застрочили немецкие пулеметы, возобновилась артиллерийская стрельба, разрывы снарядов наблюдались слева и далеко впереди нас. Один лейтенант подошел ко мне и говорит: «Слушай комбат, наши дела плохи, мы, очевидно, попали в хорошую ловушку немцев. Дальше ехать опасно, необходимо принять другие меры». Я ответил, что обратной дороги нет, слева немцы, справа будет их тыл, дорога остается только одна, прямо на восток, на Двинск. Это наш единственный путь, а чему быть — того не миновать. В воздухе самолетов противника пока не было, у немецких летчиков, похоже, был перерыв на завтрак. Мы решили еще раз рискнуть и продвинуться вперед. А, может, мы их напугаем, как это было при встрече с мотоциклистами. Позже нам стало известно, что по чистой случайности мы не встретились с превосходящими силами противника, у которого были танки, бронетранспортеры и большое количество автоматчиков.

Наше движение продолжалось в сторону Двинска. На отдельных участках были случаи приближения наземного противника к нашей дороге, — был слышен шум от удаляющихся танков и звуки стрельбы. Словом, без конца возникала угроза со стороны противника.

Враг развил такую скорость передвижения своих войск на восток, что не представлялось никакой возможности оторваться от его преследования. Чувствовалось, что и здесь ему не оказывалось никакого сопротивления со стороны наших войск.

Во время двухчасового марша нам пришлось проезжать небольшие населенные пункты, отдельные хутора, домики, кустарники, подъемы и спуски. На извилистой широкой реке Западная Двина совсем неожиданно показался мост, он своими

стройными рамами возвышался над прилегающей местностью и городом Двинск, как будто с гордостью смотрел вдаль. Командир орудийного расчета т. Коноваленко первым заметил этот мост и с такой радостью вскрикнул, что сразу приподнял настроение у солдат. У моста было тихо и безлюдно, только на левой стороне у самого моста прошло несколько военнослужащих. Мы спокойно переехали через мост и с его левой стороны увидели одну противотанковую 45-миллиметровую пушку с орудийным расчетом из 3 человек, а в тридцати метрах справа от них сидел в ячейке солдат с усталым видом, грязный, небрежно одетый, склонившийся к своей винтовке. Когда я спросил его, что он здесь делает, он поднялся и начал докладывать по всей форме: «Приказали сидеть, вот я и сижу». На мой вопрос: «Где Ваш командир?», — он ответил, что все ушли, а его оставили здесь до ухода наших саперов, и показал рукой в сторону моста. Затем добавил с волнением: «Они производят подготовку для взрыва моста». И, после небольшой паузы, сказал: «Какая жалость, сколько потрачено человеческого труда, материальных ценностей и любви для сооружения такого прекрасного моста, а взорвут его за несколько минут».

Только закончился короткий разговор с солдатом, ко мне подъехал наш командир полка майор Алейников. Я обрадовался, стало радостно и приятно на душе, думаю, сейчас начнутся разговоры, как мы добрались, какие были трудности, успехи и потери, что нам известно о противнике и т.д. Командир был ужасно взволнован, никаких вопросов не было, я получил от него новое распоряжение: занять огневую позицию восточнее на полтора километра от двинского аэродрома. Путь следования — по дамбе р. Двина в направлении юго-запада, с задачей прикрыть аэродром от воздушного противника. Расстояние до огневой позиции — не более двух километров. Мы начали движение на новую огневую позицию, указанную командиром полка, слева проходила р. Двина, справа был громадный котлован, заполненный водой. Сквозь крупные кустарники, заросшие высоким бурьяном, просматривались массивные стены из красного кирпича. В конце данного сооружения, которое мы приняли за давно заброшенное старое укрепление, круто вправо про-

ходила малоукатанная проселочная дорога. Мы остановились. Далее совершать движение по дамбе не представлялось возможным, находиться в походном положении, в то время как противник был не более чем в двух километрах от нас, стало опасно. Мы приняли решение свернуть на эту «дорогу», проехали по ней не больше двух километров, заняли временную огневую позицию (до уточнения обстановки), так как в данном районе начала действовать авиация противника. Огневая позиция оказалась удобной, с хорошим круговым обзором, что позволяло вести огонь не только по воздушным целям на различных высотах, но и уничтожать наземного противника.

На огневой позиции закипела большая боевая работа: готовилась материальная часть орудий и боеприпасы к стрельбе, мы проводили инженерные работы, копали ровики для орудий, ячейки для расчетов и заготавливали маскировочные средства.

Одновременно мы в срочном порядке приступили к разведке окружающей местности. Нас крайне интересовало, какие здесь имеются объекты, каково точное их расположение, надо было разыскать аэродром, который мы должны прикрывать от воздушного противника, и установить связь с воинской частью в этом районе. После часовой разведки выяснилось, что аэродром располагался около двух километров западнее от нас. Он был уже полностью эвакуирован. Других воинских частей на этом участке не было. Также установили, что обратный путь возможен только по дамбе, по которой уже пришлось ехать на данную огневую позицию. Понимая, что в сложившейся обстановке нам тут защищать нечего, мы для начала приступили к подготовке автотранспорта к совершению марша и с нетерпением ожидали приказа командира полка о снятии нас с этой огневой позиции. Как выяснилось позже, приказ о занятии нами этой позиции был отдан в тот момент, когда сам командир и штаб не были в курсе всех происходящих событий и изменений на данном направлении. После произведенной нами разведки и при отсутствии связи со штабом и какой-либо информации от штаба нашего полка или других воинских частей, мы вынуждены были принимать самостоятельное решение о снятии с занятой огневой позиции и марше в новый район.

Итак, батарея, совершив небольшой марш, подъехала вплотную к дамбе. Но неожиданно: с противоположной стороны реки Двины на горизонте показались первые группы наступающих гитлеровцев. Они в различных местах вели беспорядочную стрельбу из автоматов, пулеметов, изредка слышны были выстрелы из танков. Один из бронетранспортеров подошел вплотную к реке, начал маневрировать, делая вид, что нас не замечает. Он опустил ствол вниз, создавая впечатление, что появился здесь не стрелять, а «грибы собирать». На самом деле ему было неудобно вести стрельбу, поскольку мы находились за дамбой. Он явно решил выждать, когда мы совершим выезд на дамбу и начнем двухкилометровый марш по открытой узкой дороге, которая не позволяет свернуть ни вправо, ни влево, так как слева — овраг, справа — Двина. Для фашистского транспортера мы были прекрасной мишенью, которую легко расстрелять в упор. В сложившейся ситуации мы решили вручную подкатить одно орудие поближе к дамбе (это место хорошо прикрывалось мелкими кустарниками и бурьяном), привели его в боевое положение, и с первого же выстрела бронетранспортер взлетел в воздух. Этот наш удачный выстрел и взрыв бронетранспортера впоследствии привел в замешательство всю фашистскую колонну, и они притормозили движение. А нам это позволило выехать на дамбу и два километра опасного пути проехать без потерь. Фашистским артиллеристам удалось произвести три выстрела вслед нашей колонне, из них два снаряда шлепнулись в воду, а один взорвался впереди нас в двухстах метрах. К этому времени мы уже были у моста, успели повернуть влево и начали движение по улицам Двинска. Все шло без задержек, мы выехали на шоссе, идущее на Псков (вначале это было наше главное направление). Но тут новая беда:, сломался трактор, основная наша тягловая сила. Пришлось остановиться. Нас сразу же окружил люд: сначала гражданские, позже стали подходить военнослужащие, все спрашивали, что мы видели и слышали о противнике.

В это время в городе возникла паника. Очевидно, городское население не было своевременно проинформировано о сложившейся обстановке, и люди не знали, как быть, что делать.

Собственными силами трактор восстановить не удалось, и мы решили с тремя пушками проехать город и на окраине выбрать подходящее место для огневой позиции, после чего приехать машину за оставленной пушкой с трактором. Один из командиров взводов, лейтенант, звонким голосом подал команду: «По машинам, марш!». Я в тот момент скомандовать не смог: прорезались, как их называют, «зубы мудрости» одновременно с двух сторон — обе щеки «разнесло» до такого состояния, что я двое суток не мог раскрыть рот.

Только тронулись с места, как вдруг, видим, со всех концов города бегут к нам люди — мужчины, женщины — с криками: «Спасите, помогите!». Мы подумали, что где-то проскочили фашисты. Я приказал колонне совершать марш в указанный район, а части личного состава батареи принять меры для прикрытия и оказания помощи населению, подготовиться к ведению боя в городских условиях.

Впоследствии выяснилось, что паника возникла стихийно. Поводом стало то, что из городской тюрьмы г. Двинска были выпущены заключенные. Не зная положения и обстановки, они рассеялись по улицам города, кто куда. Позже, из слов самих граждан, выяснилось, что со стороны заключенных не было никаких случаев зверства или мести. Вначале к нам подошло несколько заключенных в темной одежде, разного возраста. Их интересовало многое, а главное — где наша армия, где немцы, какое положение на фронте. На их многочисленные вопросы я ответил, что немцы пока нажимают так, что трудно оторваться от них, идут буквально по пятам, особенно быстро на нашем направлении продвигаются танковые подразделения. Не успели мы закончить разговор, как буквально над головой разорвался снаряд и стали слышны выстрелы совсем близко. Один из заключенных говорит: «Товарищ командир, просим принять нас в вашу часть, мы сумеем немчуре намылить голову, мы прекрасно знаем местность, каждый бугорок станет для нас крепостью».

Мы привели себя в порядок и двинулись в направлении Пскова. По городу прошли спокойно, и уже на окраине заметили множество людей на узкой дороге, окруженной лесом. Это была неуправляемая и неорганизованная масса, с которой легко было

справиться даже малочисленному противнику. Дальнейшее продвижение по дороге стало невозможным, образовалась пробка. В такой обстановке необходимо было принять срочные меры: очистить дорогу, отвести в лес все гражданское население, принять меры по маскировке. Я оставил свою колонну и решил выяснить причину задержки. Оказалось, что на дороге была выставлена так называемая застава из представителей военного совета округа, чтобы из отходящих граждан и военнослужащих сформировать боевые подразделения, на которые в дальнейшем будет возложена задача — остановить и нанести удар по наступающему противнику в районе Двинска, то есть отстоять город. Такие меры были бы полезными, если бы проводились значительно раньше, хотя бы за сутки до встреч с врагом.

Меня тоже прихватили, и тут же, сходу, не выслушав, назначили командиром стрелкового батальона. Представители военного совета торопили, нужно было очистить дорогу, чтобы замаскировать от воздушного противника свое нахождение. Вскоре к военной заставе подошла моя батарея и ее также повернули в лес. Я в это время выполнял поручение, а точнее, приказ, представителя военного совета сформировать стрелковый батальон из лиц, только что призванных в армию, одетых в гражданскую одежду. У каждого из них за плечами рюкзак, в руках — ветхий чемодан и свертки. При построении их оказалось около 400 человек, сила большая. Несмотря на усталость и голод (все продукты закончились, мы делили последние куски хлеба), я спросил: «Давно вы находитесь в этом районе?». Они ответили: «Только что прибыли из-под Одессы». Затем прозвучали голоса: «Быстрее обеспечьте оружием и боеприпасами, видите, на такое количество людей всего 50 винтовок, и то за счет пристроившихся к нам военнослужащих, отставших от своих частей».

Формирование батальона, хоть и наспех, в основном подошло к концу, были назначены командиры рот, взводов и отделений. Настроение было хорошее, боевое, каждый из них был уверен в себе и в своей победе над врагом. Многие из нас, в том числе и командиры тогда до конца не представляли, какой будет эта война...

Вскоре нас обнаружили с воздуха. После массовой бомбежки и обстрела было много убитых и раненых, рядовых и командиров. Представители военного совета приложили много усилий для отправки раненых, похорон убитых и отдачи нужных распоряжений оставшимся в строю, их трудно было узнать — строгие, суровые лица.

Меня вызвал представитель военного совета, по воинскому званию майор, и спросил: «Вы командир зенитной батареи?», я ответил: «Так точно». От майора я получил распоряжение: немедленно вывести материальную часть из леса, с орудиями совершить марш по шоссе в сторону Пскова. На марше я должен был получить дополнительное распоряжение. До марша нам удалось за счет других подразделений доукомплектовать автотранспортом свою батарею машинами марки ЗИС-5.

Движение началось. Проехали пять километров, впереди и сзади ни одного человека. Я подумал: «Что делать? На разведку нет времени». Решили продвинуться еще на километр и в нескольких сотнях метров от нас заметили наших солдат. Оказалось, что им приказано поджечь мост и немедленно уходить в лес. Тут подошел их командир, по воинскому званию младший лейтенант. Он сообщил: «В двух километрах впереди дорога перерезана немцами. Мы сейчас подожжем мост и сами будем уходить, пробираться лесом». Но нам на машинах здесь не проехать, кругом сплошные болота. Мы оказались в более тяжелом положении, чем когда-либо, противник преследует нас со стороны Двинска, наши раздробленные части не в состоянии противостоять ему или задержать его хотя бы на несколько часов.

Впереди, совсем недалеко от нас, стала отчетливо слышна автоматная стрельба. Дорога на Псков, как говорили взрывники у моста, уже перерезана. У нас остался один выход — уничтожить материальную часть, то есть всю боевую технику. Кругом лес, болотистые места, проехать на автомашинах ЗИС-5, да еще с прицепом весом около пяти тонн, невозможно. Я про себя подумал: «Сколько приложено усилий, и неужели пришел конец? Так просто распрощаться с техникой?». Враг зажимает нас со всех сторон (со стороны Двинска и Пскова). Поэтому,

находясь на дороге в походном положении, необходимо было принять срочные меры, найти выход из тупика. Для этой цели были приглашены командиры орудий. Наши мысли совпали, все высказались за то, чтобы вернуться обратно к лесной просеке, которую мы видели во время проезда по дороге. Эта просека была проложена в направлении наших старых границ, еще до сороковых годов.

Учитывая, что дорога, на которой мы находились, узка для разворота орудий и машин, все пришлось делать вручную, силами орудийных расчетов. Вся эта операция прошла неожиданно быстро, и мы сразу же тронулись обратно, то есть навстречу противнику. Мы были во всеоружии и готовились встретить врага, откуда бы он ни появился. Я ехал на головной машине, один из командиров взвода — на последней. При подъезде к просеке долго раздумывать не пришлось: все как один нырнули в лес. Просека просматривалась примерно на километр. Она шла немного на подъем, почва была покрыта плотной травой. Мы оказались в объятии прекрасного лесного массива, как сосны на посту, стояли стройные деревья.

Мы проскочили несколько полян, небольших просек, кругом тихо и мирно. Проехали около двух с половиной километров. Мы остановились, заглушили моторы. Сейчас бы только слегка перекусить, но из пищи ничего не осталось, и мы досыта надыхались лесным ароматом.

Мы прислушались. Справа от нас, совсем недалеко, слышен звон топоров, кто-то энергично лес рубит, слышались отдельные голоса. Время не ждет, и мы тут же организовали небольшую разведгруппу. Не прошло и 30 минут, как наша разведгруппа возвратилась обратно со следующими данными. Слева от нас — сплошное болото, проезда и прохода нет. В пятистах метрах отсюда идет заготовка леса для строительства дороги через болотистые участки. Дорога оказалась слабой, по ней мог пройти только легкий малогабаритный транспорт и люди.

Мы подтянули свои пушки поближе к переправе с задачей: во что бы то ни стало вклиниться в движущийся транспортный поток. Организацией переправы руководил старший по воинскому званию и отвечал только за свои подразделения. Мою ко-

лонну не пропускали по одной причине, с которой нельзя было не согласиться: наши машины ЗИС-5 сами не пройдут, а если тянуть пушки, то выложенная из хвороста и жердей дорога просто разрушится, и после нас вообще прекратится всякая переправа. Руководитель переправы, внимательно выслушав просьбу о необходимости переезда через болото, распорядился развернуть наши пушки для прикрытия переправы от воздушного противника. На нашу переправу он согласился, но в последнюю очередь. Ну, думаю, обрадовал, в этом случае твоего разрешения не потребуется.

К нашему большому счастью, на поле примерно в километре от нас работал небольшой трактор. Не помню, кому он принадлежал и кто был подлинным хозяином трактора. Я обратился к трактористу с просьбой оказать нам помощь в переправе четырех пушек через это проклятое болото. На мою просьбу ответ последовал не сразу. По его лицу и взгляду было заметно, что он был чем-то взволнован. Мне трудно было понять, в чем дело. Я думал, что он не понимает меня. По национальности он был латыш и плохо говорил по-русски. Он сидит на тракторе, я стою в двух метрах от него, смотрим друг на друга. У меня мелькнула мысль, припугнуть его пистолетом, наверняка согласится. Но тут он заговорил: «Товарищ командир, а Вы возьмете меня в свою часть?». Откровенно говоря, такого вопроса я совсем не ожидал. Смотрю на него с удивлением и думаю, что сказать в ответ. Мой собеседник, не ожидая ответа, развернул свой трактор, мне показал рукой стать на крюк и тут же рванул к нашей переправе.

Подъехали к пушкам, а наши товарищи, все как по команде, закричали: «На этом тракторе не пушки возить, а навоз. Долой его, сами вручную потянем, не привыкать». Все же решили подготовить последнюю свою машину, стоящую в колонне, с тем, чтоб не так было заметно для окружающих на переправе, что мы замышляем. Итак, трактор зацепил своим тросом за крюк машины, часть людей взялась за пушку, остальные распределились возле орудия. Я неверующий, но на этот раз прямо-таки перекрестился и добавил: «Помоги, дорогой, если ты видишь, в какую мы попали беду, нам во что бы то ни стало необходимо пе-

реправиться через болото, в долгу не останусь перед тобой». Все мы дружно взялись помочь трактору и работающей машине выбраться с этого «святого места», и, действительно, не проехали, а пролетели. Наш «полет» вызвал общее удивление и смех. После переправы мы выглядели так, будто нас всех в помойном котле прополоскали.

Подходит ко мне наш тракторист и говорит: «Товарищ командир, Вы не ответили, зачислите меня в Вашу часть». Стоящие рядом товарищи в один голос крикнули: «Принимаем, только со своим продовольственным пайком». «Согласен, — отвечает тракторист, — я сегодня как никогда сытно позавтракал и у меня в сумке остался кусок хлеба, два яйца и небольшой кусок сала». Ему в ответ пущена шутка: «За такой паек можно и звание младшего лейтенанта дать, а после видно будет». Колонна была готова к дальнейшему маршу, все, кто видел нас на переправе, нас поддерживали и подбадривали. Много хвалебных слов за находчивость и организованность услышали мы в свой адрес, а впереди показалась хорошая дорога, идущая на г. Опочку.

После нашей переправы, которая послужила примером для других, те, кто стоял в стороне, тоже стали подталкивать машины, дополнительно укладывали жерди и мелкий хворост на проезжую часть «дороги». В общем, на переправе закипела работа, все оказались при деле. В самый разгар работы прямо над головой разорвался снаряд противника, среди отдельных людей возникло замешательство. Это резко отразилось и на других — одна из автомашин сошла с колеи и застряла в болоте. Все движение на переправе остановилось. Некоторые бросили свои машины и двинулись к кустарникам, уходя вглубь леса. Совсем неожиданно рядом со мной оказался майор, который был старшим на переправе. Он подошел ко мне, сказал: «Вы со своим трактором организуйте переправу автомашин, а я постараюсь остановить людей и направить Вам в помощь». Ответ был один: «Слушаюсь, будет выполнено. Только разрешите мне распорядиться на батарее — отправить ее подальше отсюда». Я свою колонну отправил, как и договорились, а сам с трактором вернулся к переправе. Вначале освободили проезжую часть дороги от провалившейся автомашины. Потом нам удалось пере-

править несколько машин. Появился майор и привел с собой еще около двадцати человек. Он тут же отобрал у меня трактор, и мой тракторист перешел в распоряжение майора.

Я направился к своей колонне, которая находилась на расстоянии около одного километра отсюда. Уходя, я еще раз оглянулся, чтобы мысленно проститься с моим юным другом-трактористом. И таким родным и близким показался мне этот сидевший в кабине трактора, вспотевший человек. Я видел в его глазах сожаление и горечь расставания. Мне всегда хотелось узнать его дальнейшую судьбу. А за переправу объявить ему от всего сердца, от всей души большую благодарность. Может быть, если бы я раньше написал хотя бы заметку в газету, то он, если остался в живых, обязательно вспомнил бы этот день и откликнулся на мои слова благодарности.

После заболоченной местности, которая отобрала у нас много сил и времени, мы вышли на хорошую грунтовую дорогу, идущую в сторону г. Опочки. По этой дороге проходило большое количество автотранспорта, курсировали бензозаправочные машины, боевой техники не было, многим не удалось вывести ее в нужный район. В разговоре с товарищами выяснилось, что их боевая техника оставлена в различных районах Литвы, Латвии, особенно много в таких городах, как Таураги, Шяуляй и Каунас.

Следуя по маршруту основного движения, мы достигли г. Опочки. Решили произвести осмотр машин, дозаправку горючим, а главное — подыскать пищу и накормить людей. Мы даже не успели как следует развернуться, как к нам подъехал командир нашей части майор т. Алейников. Это было так неожиданно, что у некоторых даже появились слезы на глазах. С тяжелым чувством выслушал он наш рассказ о трудностях и переживаниях. Я про себя подумал, что на этот раз все трудности позади, все вопросы будут решены. Командир части приказал собрать людей, он решил вкратце сообщить о положении на этот час. Он начал с того, что нельзя терять ни минуты времени, наша разведка сообщает тревожные вести, противник на всех направлениях имеет успех, наши части отходят в направлении Ленинграда. Нам следует немедленно продолжить марш до г. Ста-

рая Русса, где нас будут встречать командиры штаба полка. Приказ был получен, нам предстояло совершить еще один бросок.

На этом участке пути уже активно действовала авиация противника, слева от нас слышна была артиллерийская стрельба, проходили машины с ранеными. Мы дважды подвергались бомбежке и обстрелу с самолетов противника, при обстреле было прямое попадание в моторную часть одной из машин. При подъезде в Старую Руссу нас действительно встретили работники штаба полка, они провели нас в район сосредоточения. Настроение у нас боевое, доложили во всех подробностях о приключениях командованию полка. Прибыли в полном составе и сохранили свою боевую технику. В заключение доклада я попросил накормить моих людей, которые уже третьи сутки были без пищи. Стоянка в районе сосредоточения оказалась совсем короткой, противник по-прежнему продвигался с большой скоростью.

Среди штабных работников пошли различные разговоры и предположения о судьбе нашего полка. Командование полка с нетерпением ожидало приказа свыше, принять самостоятельно решения стало невозможно. Командир нашего полка проявлял нервозность, это и понятно: в такой обстановке, когда противник диктует свою волю, ориентироваться сложно, тем более не зная истинного положения на фронте. Проходящие части приносили различные данные о противнике, причем эти данные были противоречивы. Чувствовалось, что командование и штабы армий, вследствие нарушения связи с подчиненными им войсками, не могли составить в первые дни войны достаточно ясного представления о событиях, развертывавшихся на фронте, и не в состоянии были поэтому организовать четкое управление войсками и действовать в соответствии с обстановкой.

Но вот штабные работники нашего полка заметно оживились, очевидно, принято решение о дальнейших действиях полка. Командир части пригласил только командный состав, чтобы ввести в суть дела. Решение было таким: те, кто имеет боевую технику, будут отправлены под Ленинград, остальные — в Москву, на переформирование.

Боевую технику из всего полка имел только я. Я подумал, если получу такой приказ, отнесусь к этому с полной ответ-

ственною и желанием быстрее найти свое место в бою и твердо стать на защиту своей Родины. Командир части закончил свое совещание, приказал всем разойтись по своим местам и быть готовым к маршу, а мне задержаться для получения дополнительных указаний. Был задан вопрос, готов ли я к маршу, ответ был: «В любую минуту». «Так вот, Вам следует немедленно отправиться на аэродром, который дислоцируется недалеко от Старой Руссы. Сдадите свою материальную часть по акту. Самому Вам следует возвратиться обратно в полк». Распоряжение командира было выполнено.

Впоследствии наш полк был отправлен в Москву. По прибытии мы разместились в Чернышевских казармах. Командный состав направлялся в различные части.

Как выяснилось позже, в Центральном архиве Минобороны практически нет никаких документов о 743 зенитно-артиллерийском полке, да и о самой 14-й (Каунасской) бригаде ПВО — людские и материальные потери в 1941 году в период отступления наших войск были слишком велики.

Противовоздушная оборона Москвы и Куйбышева

Я получил назначение в Московский военный округ ПВО на должность командира 10-й зенитно-артиллерийской батареи 861 полка. Батарея несла боевое дежурство по охране Москвы от налетов противника с северо-западного направления. В основном приходилось вести заградительный огонь, не давая противнику производить налеты на Москву.

В октябре 1941 года наш 861 полк под руководством опытного командира майора Ботина Михаила Поликарповича* был направлен в г. Куйбышев. В то время Куйбышев называли второй столицей, здесь была организована противовоздушная оборона, дежурили летчики-истребители.

Зенитно-артиллерийская батарея, которой мне пришлось командовать, заняла огневую позицию за рекой Самаркой. Несмотря на холода (морозы порой достигали 45 градусов), личный состав круглосуточно находился в оружейных ровиках в оборудованных землянках. У каждого орудия находился часовой, с тем чтобы обеспечить готовность батареи к немедленной стрельбе.

Куйбышев в тот период был далеко от передовой линии фронта. Город жил обычной мирной жизнью: работали магазины, ходили трамваи, рабочие и служащие продолжали работать на своих прежних местах, только теперь они выполняли в основном военные заказы. «Все для фронта, все для победы», — под таким девизом шла вся работа на всех предприятиях и в учреждениях. Мне хотелось бы вспомнить четырнадцатилетнюю де-

* Ботин Михаил Поликарпович, 1909 г.р., в армии с 1929 г., был награжден многими орденами и медалями, впоследствии стал доктором технических наук, генерал-майором, написал книгу «С тобой, Испания».

вочку. Звали ее Леночка. Жила она у своей сестры, за рекой Самаркой, недалеко от нашей огневой позиции. Когда я увидел ее за работой и спросил, что она делает, ответ был совсем коротким и весьма серьезным: «Я в свободное от школы время вяжу варежки для солдат, которые сейчас находятся на фронте». И тут же добавила: «Вам хорошо, сидите в землянках и без конца крутите свои зенитки, направляете их в пустое небо. Особенно это неприятно в ночное время, ваш шум и крик мешает нам спать». Я ответил: «Видишь ли, Леночка, мы вынуждены крутить свои пушки совсем не для того, чтоб вы не спали. На улице какие морозы стоят — более 40 градусов, это серьезно сказывается на нашей боевой технике и в целом на боевой готовности к стрельбе. Вот поэтому нам и приходится крутить свои пушки. Противник может появиться в данном районе только в ночное время, а вот ты пока свяжешь пару варежек, то и зима пройдет». Леночка на минуту призадумалась. «Я, — говорит, — уже связала 15 пар, а эта будет шестнадцатая. Кроме меня вязанием занимаются и мои подруги. В общем, наша школа отправила на фронт много различных теплых вещей для солдат, чтоб им было тепло. Мы в письмах сообщаем свои адреса, в ответ получаем хорошие письма с большой благодарностью за нашу заботу и внимание к нашим дорогим защитникам».

Не могу не вспомнить и еще один пример массового героизма тружеников тыла. В начале марта 1942 года я был направлен на курсы повышения квалификации командного состава в г. Оренбург. Из Куйбышева выехал поездом. Все пассажиры, уложив свои вещи, заняли положенные места, и, как обычно, завязался разговор, главной темой которого была победа наших войск под Москвой. Эта победа, безусловно, затронула душу каждого человека, она принесла радость всем, об этом говорили везде, с большой благодарностью и теплотой отзывались о наших доблестных воинах, об их мужестве и стойкости перед таким сильным врагом. Наш поезд набирал скорость, все чаще стучали колеса. Вдруг все сидящие пассажиры, как по команде, бросились к окну вагона. Подошел и я, с большим трудом просунув голову поближе к окну. В несколько рядов стояли самолеты. На расстоянии эта картина напоминала зеркальную поверх-

ность огромного озера. Пошли новые разговоры и предположения, некоторые говорили, что это резерв главного командования, другие считали, что это просто аэродром. Ясность внес наш проводник: это работает завод под открытым небом и, несмотря на холод и голод, работа идет круглые сутки без перерыва. Если бы я не видел своими глазами, не поверил бы, что в таких условиях можно заниматься строительством такой сложной боевой техники, как самолет.

Итак, наш поезд подходил к станции Оренбург, проводник вагона объявил: «Граждане пассажиры, прошу подготовиться к выходу». Поезд остановился, все вышли, люди, как ручейки, потекли в разные стороны. Некоторые вернулись домой, другие — по эвакуации из западных районов страны. Я со своим однополчанином направился в военные казармы, где были организованы курсы повышения квалификации командного состава зенитной артиллерии Красной армии. Курсы проводились с 4 марта по 10 мая 1942 года, то есть всего два месяца.

На этих курсах наша учебная программа была насыщена до предела, все дневные и вечерние часы были заняты напряженной учебой, каждый из нас горел желанием как можно больше получить знаний, умений использования нашей боевой техники в современном бою. Особенно обращали внимание на быстроту в подготовке боевой техники к стрельбе, правильный выбор огневой позиции на местности и ее маскировку. К тому же мы должны были не только научиться этому сами, но и передать свои знания, опыт подчиненным для умелого ведения боя.

Мне особенно запомнились такие высоко квалифицированные и умелые преподаватели наших курсов (за давностью не помню их военного звания), как, мне кажется, майор Кузнецов — преподаватель артстрельбы, майор Турчанинов — преподаватель по материальной части. На их долю выпала большая ответственность: за короткое время научить тому, что так необходимо для фронта, для успешного боя и, в конечном счете, для Победы.

Прощаясь с городом и друг с другом, в последние часы нашего пребывания в Оренбурге, вся группа отправилась к берегу реки Урал. Документация по дальнейшей службе каждого из нас уже была подготовлена.

Харьковская операция

Я получил назначение в район г. Сызрань, где формировалась 13-я истребительная противотанковая бригада, на должность командира отдельной зенитно-артиллерийской батареи.

Бригада располагалась в 14 километрах в северо-западном направлении от г. Сызрань, в лесочке. К моему приезду она была уже полностью укомплектована личным составом и боевой техникой, за исключением зенитных орудий, которые предусмотрены по штатному расписанию. Но времени не было.

Фронту срочно требовались новые полки и дивизии для того, чтобы остановить врага, которому удалось прорвать оборону наших войск под Харьковом и двинуть свои войска в сторону Воронежа и на восток. Поэтому бригада отправилась без зенитных орудий. На вооружении имелись противотанковые ружья и пушки, гранаты. Возраст личного состава — 20-35 лет.

В мае 1942 года по тревоге бригада отправилась на станцию Сызрань. К нашему прибытию уже полностью были подготовлены железнодорожные вагоны для погрузки. Погрузка происходила буквально сходу, время на погрузку было затрачено минимальное. Командир бригады, майор, приказал произвести проверку личного состава и имущества: «Через 15 минут наш эшелон будет отправлен. Едем до ст. Воронеж, там будет получен боевой приказ о дальнейших действиях бригады». До Воронежа наш поезд следовал с большой скоростью, не делая никаких остановок. К 10 часам утра поезд прибыл на ст. Воронеж.

К этому времени противнику удалось отбомбиться так, что от станции осталось одно название, сплошные развалины, бомбовые воронки, кругом обожженные и исковерканные рельсы. На путях скопилось множество разбитых и горящих вагонов, на которых висели обгоревшие куски лошадиного мяса, появилось громадное количество мух, стоял невыносимый запах. По рас-

сказам очевидцев, под эту бомбежку попала какая-то кавалерийская часть. Кроме всего, множество гражданских лиц, особенно женщин с детьми, оказались под развалинами вокзала, там шли работы по спасению людей.

Стоянка нашего эшелона в Воронеже была короткой, не более 10 минут. Затем вновь застучали колеса. Солдаты говорили между собой, опять зеленая улица, якобы до ст. Валуйки под Харьков. Некоторые из солдат отпускали шутки и прибаутки, в другом уголке вагона запевали песню, вспоминали свои семьи, близких и родных.

Обстановка нам была неясна, знали только, что враг силен, имеет успех и двинул большую силу против наших частей, стремится во что бы то ни стало продвинуться на восток. Сейчас наши войска вели упорные бои в районе Харькова.

Мы проскочили большое расстояние без помех, авиация противника была занята именно под Харьковом, Наш эшелон сделал остановку на станции Мандрово, где нас встретил военный комендант. После короткого доклада командир бригады принял решение срочно произвести разгрузку. Разгрузка прошла быстро и организованно. На ст. Мандрово после марша отдыха не было, буквально с ходу отправились в направлении села Тамаровка, где завязался первый ожесточенный бой с передовыми частями врага.

Мне было приказано остаться на станции Мандрово и взять под охрану все имущество, принадлежащее бригаде, в основном продовольствие, боеприпасы и горючее. В моем распоряжении 20 человек и одна грузовая автомашина ГАЗ-53. В конце своих распоряжений командир, обращаясь ко мне, добавил: «Ждите, за Вами будет прислан автотранспорт для перевозки доверенного Вам имущества в другое место».

После этого ко мне подошел зам. командира бригады по политической части, майор, протянул мне конверт и говорит: «На всякий случай здесь в конверте справка, я написал, что Вы являетесь старшим и ответственным за людей и имущество бригады», — и добавил, что первая остановка бригады в селе Тамаровка.

После ухода бригады в указанный район прошло более 6 часов — ни слуху, ни духу, вокруг абсолютная тишина.

Я решил обратиться к военному коменданту станции за советом, что делать. Не успел я доложить ему о своих делах, он говорит: «Хорошо, что пришли, собирался сам бежать к Вам. У меня на станции имеется два вагона с ранеными солдатами и один офицер тяжело ранен, четыре пустых платформы и один паровоз. Сейчас должен подойти еще один паровоз специально для снятия и разрушения железнодорожного полотна. Вам советую срочно погрузить свое имущество на свободные платформы для отправки, положение на фронте хуже не бывает». Вначале я ответил, что погрузить имущество — означает оставить бригаду без боеприпасов и горючего, т.е. разоружить бригаду. За имуществом командир бригады обещал прислать транспорт. «Ваше предложение, товарищ комендант, пожалуй, не подходит». На этом наш разговор и закончился.

Я отправился к месту расположения своей батареи сообщить о разговоре с комендантом. Не прошло и 10 минут, как он сам появился в расположении нашей батареи, подошел и в двух шагах от меня остановился. Упорно смотрел прямо мне в глаза и — ни слова. В его глазах я заметил страх и волнение, и тут же спросил, что случилось. «Да хуже некуда, — сказал он. — Получено новое сообщение из районов боевых действий, в котором сказано, что противнику удалось прорвать оборону наших войск и успешно развивать наступление в сторону Воронежа. Не лучше обстоит дело в направлении на Миллерово и на других участках». Мне он посоветовал немедленно оставить Мандрово. Комендант второпях ушел в сторону станции. Я остался на месте в раздумье: что делать, противника нет и наших частей поблизости не слышно, о своей бригаде по-прежнему никаких сообщений.

В этот момент западнее и восточнее нас появилась авиация противника, бомбили совсем недалеко от нас, стала слышна танковая стрельба. Стрельба подтвердила справедливость требования коменданта о необходимости нашего ухода. Несмотря на сложившуюся обстановку, железнодорожные платформы были подогнаны под погрузку. Наша погрузка произошла быстро и организованно. По ее окончании военный комендант спросил меня: «По какому адресу отправить Ваш груз?». Долго не думая, я ответил:

«Пишите: Москва, Главное артиллерийское управление. А там разберутся, что к чему, лишь бы дошел, не попал в лапы врагу».

Для сопровождения груза были назначены два человека из нашего состава. Итак, наш поезд отправился, мы с большой жалостью и болью в сердце посмотрели ему вслед. Дальнейшая судьба нашего поезда и груза осталась неизвестна. Я предполагаю, что наш состав не смог проскочить участок железной дороги от Мандрово до Воронежа, поскольку авиация противника усиленно контролировала и бомбила все коммуникации и железнодорожные узлы.

Я и мои люди вышли на опушку леса около 300 метров восточнее станции Мандрово и расположились в надежде дождаться представителя бригады. Наша стоянка оказалась недолгой, так как мы заметили, что с противоположной стороны станции по проселочной дороге, проходящей по опушке леса, происходит передвижение довольно крупных тыловых частей противника в сторону Воронежа, или, проще, в северном направлении. Стало совершенно ясно, что мы в ближайшее время попадаем в тыл противника. Мы хорошо видели, как немцы веселятся, подпрыгивают под музыку губных гармошек, поют, слышали громкий смех и крик подвыпивших вояк.

Мы оставили свое место стоянки и отправились в направлении первоначального маршрута нашей 13-й противотанковой истребительной бригады. При подъезде к селу мы столкнулись с местными жителями Тамаровки. Со страхом и волнением они пытались остановить нас: «Куда вы? В деревне много немцев, прошло большое количество танков и пехоты, сейчас, похоже, там уже тыловые части». Я спросил, что делают немцы. Отвечают: изрядно выпили, а сейчас бегают по деревне, вылавливают кур, шастают по домам, уже забрали несколько коров и свиней, занимаются грабежом и насилием, на окраину деревни согнали несколько человек — молодых ребят и стариков, судьба их пока неизвестна, видели, как одного из пожилых мужчин толкнули в спину прикладом и он упал.

После короткой беседы с жителями Тамаровки, в сложившейся обстановке для нас оставался один выход — сделать поворот строго направо и двинуться на восток в направлении Никитовки. Маршрут короткий, всего около 3 километров.

С большой осторожностью подъехали мы к Никитовке, где кроме стоящих домиков и лая собак ничего не было ни видно, ни слышно. Кто-то из наших товарищей говорит: «Уже и здесь наступил «черный день», такой тишины в деревнях не бывает». Все мы были напряжены до предела, каждый искал выход из создавшегося положения. Но главное — найти наши части и понять в каком направлении двигаться. Как удобнее добраться до Ворожея. На все наши вопросы от местных жителей четкого и определенного ответа мы не получили. Единственно, было ясно, что немцев прошло много, а наших частей мало и в основном небольшими группами. На вооружении ничего, кроме винтовок и сбоку котелков, да и то не у каждого.

Пересекли деревню, выехали на проселочную дорогу, ведущую в сторону Острогжска, не имея при себе карт, средств связи. Перед нами только тихие безмолвные поля, расстелившиеся словно разноцветный ковер, в воздухе разливается прекрасный аромат степных цветов, ветер качает колоски ржи и пшеницы, и все щедро освещается теплыми ласковыми солнечными лучами. Вот уже впереди Острогжск, мы совершили марш быстро и точно, несмотря на пересеченную местность, которая чередовалась подъемами и спусками.

Мы подъехали с восточной стороны, и совершенно случайно обнаружили незнакомые бегущие фигуры людей. Решили приглядеться. Я шоферу говорю: «Разворачивай машину в обратную сторону, потом остановимся, проведем разведку». Только начали разворачиваться, как в нашу сторону с различных направлений был открыт пулеметный огонь. Из-под обстрела ушли удачно, единственное попадание — в раме машины мы обнаружили оказалось две глубокие вмятины, повредило резину в заднем колесе автомашины. В общем, стрельба противника прошла впустую, не причинив никакого вреда. На этот раз мы подъехали на самое близкое расстояние к крупным силам наступающего врага.

Слева и севернее нас на большом расстоянии по фронту гремела артиллерия, загрохотали танки противника. Что можно сделать в такой обстановке, имея в своем распоряжении 20 человек? Многие из наших товарищей впервые взяли в руки

винтовку, они не знали, что такое война, кроме всего мы и друг друга знали только в лицо.

Взяли курс строго на восток в сторону села Павловка. Проехали около 10 километров, решили сделать остановку, уточнить направление. Ко мне подходит солдат (не помню фамилию) и говорит: «Товарищ младший лейтенант, стрельба совсем близко, мне страшно», — и смотрит мне в глаза. «Да, я вижу, что Вам стало страшно, но вы не волнуйтесь, в этом Вы не одиноки, мне тоже страшно, не столько за себя, сколько за вас. Для нас, пожалуй, все еще впереди. Видите пожары, черным дымом все небо покрыто, значит, горят дома, гибнут люди. Кто же будет спасать их и тушить пожары? Немцы, которые пришли на нашу землю? Мы должны сделать все возможное, чтоб на нашей земле пожаров не было, это враг должен бояться нас, а не мы его. Придет время, и они сами сгорят на чужой земле».

Зрелище, действительно, было чудовищным: пожары, разрывы снарядов и пикирование самолетов — все происходит совсем рядом, как говорят, рукой подать. В эту минуту трудно предположить, что думали наши солдаты. Одни молча готовили себя к бою, другие ругали на чем свет стоит врага и готовы были сию же минуту броситься в бой.

Наш предыдущий план (добраться до Павловки и переправиться через р. Дон) сорвался. Нам пришлось повернуть в юго-восточном направлении. И совершили марш около 60 километров. Но наше положение с каждым часом становится все сложнее, мы без конца находимся в движении, неизвестно, что нас ожидает впереди, нервы напряжены до предела, как бы не допустить ошибку и не влететь в засаду врага.

При подъезде к каждому домику, кустарнику, лощине и возвышенности нужна большая осмотрительность и осторожность.

Мы проследовали южнее и обогнули поселок Езотроповский и направились далее на восток, выбрались на господствующую возвышенность, откуда видны громадные просторы Украины, множество проселочных и улучшенных дорог. Тут же подобрали подходящее место для остановки, замаскировали машину, организовали небольшой отдых, а главное — произвели разведку. От местного населения узнали, что противник имеет большой ус-

пех на всех направлениях. Наши части создают некоторые очаги сопротивления, но у врага большое превосходство в танках, артиллерии и авиации, он без конца бомбит наши позиции и населенные пункты. Основная сила противника двигалась в сторону Острогожска.

Наша остановка продлилась дольше, чем планировалось, в двух километрах южнее нам удалось обнаружить небольшую группу солдат, которые совершали движение строго на север, немного восточнее нас. По форме одежды трудно было определить их принадлежность: настолько грязно и неряшливо они были одеты.

Мы на всякий случай вооружились, кроме своих винтовок прихватили гранаты, разбились на три группы, прикрывая друг друга, и двинулись к ним навстречу. В некоторых местах приходилось двигаться ползком, в других — бегом, старались не обнаружить себя.

Я двигался в первой группе, которая состояла из шести человек. Нам удалось перехватить их, мы подошли на самое близкое расстояние. Когда я крикнул во весь голос: «Товарищи!», — для них это оказалось настолько неожиданно, что их старший (командир) скомандовал: «Ложись, приготовиться к бою!».

В начале нашей встречи разговор между нами был кратким и носил официальный характер. Мы были настороже. Однако затем мы все вместе двинулись к нашей стоянке (к машине). В разговоре выяснились обстоятельства, при которых они оказались вне своих частей: потеря командиров, боевой техники и так далее. «Мы, — говорят, — уже прошагали много километров и без конца наскაკиваем на фрицев, гады не дают в рот кусок хлеба положить, уже желудки подсасывает, хотя бы каплю горячей пищи проглотить». В общем, выяснилось, что нас волновали и беспокоили одни и те же вопросы. Мы рассказали, что мало знаем друг друга, своих командиров и в целом бригаду. Не успели полностью сформироваться, как нас направили на фронт, разгрузились на станции Мандрово, далее своим ходом должны направиться под Харьков, там сложилась тяжелая обстановка для наших войск. В настоящее время нам неизвестно, где находится наша 13-я противотанковая бригада и какова ее судьба.

Старший группы рассказал: «Наша часть действовала в составе 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева. Она принимала участие в боях под Харьковом. Часть сражалась очень стойко с превосходящими силами врага, но понесла большие потери в людской силе и боевой технике, поэтому исход боя был предрешен. Если бы к нам прибыло хотя бы небольшое подкрепление, мы бы удержались. Авиация противника действовала безнаказанно, в этот критический момент замолкла и наша артиллерия. В конечном счете все вышло в пользу противника. Они прорвали нашу оборону, нарушилась связь между подразделениями. В этом бою много погибло наших товарищей — солдат и офицеров. Нам с большим трудом удалось выбраться из этого котла, мы наталкивались на крупные силы врага, смело вступали в бой, несли большие потери, но не сдавались». И тут же добавил: «Жаль тех ребят, которые получили ранения, их враг не щадил — давили танками, расстреливали в упор».

Остальные товарищи рассказывали почти то же самое, только находились в составе других армий, в частности назвали 38-ю, которая была под командованием генерал-майора Москаленко К. С., впоследствии Маршала Советского Союза.

Мы пришли к единому мнению действовать вместе до полного выхода за Дон или же где-то присоединиться к нашим воинским частям. Полученные от местного населения данные о противнике полностью совпадали с нашими наблюдениями. Имея эти данные, мы решили, что отсюда самый подходящий маршрут нашего передвижения в направлении на Богучар. Все уже было готово к маршу.

Учитывая, что на машину можно посадить не больше 20 человек, личный состав был разбит на две группы, в каждую группу назначен старший, который будет нести ответственность за дисциплину на марше и принимать решения при особых обстоятельствах. Интервал движения между группами установлен был небольшой, организовали круговое наблюдение за наземным и воздушным противником, условились строго соблюдать маскировку в пути следования. Каждый должен был проверить свое личное оружие и держать его наготове. Открывать стрельбу

только наверняка, если станет необходимо, новичкам пришлось выдать дополнительно винтовочные патроны и по паре гранат.

Мы еще не тронулись с места, увидели, что на удалении трех километров юго-западнее нас в нескольких местах появились одиночные самолеты противника. Они производили полет не по прямому курсу, как бывает при выполнении боевых задач, а просто совершали круговые полеты — с понижением и с небольшим набором высоты. Этот полет и маневр нас насторожили, возникли различные предположения, мнения. Одни говорили, что эти самолеты совершают полет для связи с наземными войсками, вторые — что их полет служит для ориентировки своих войск на марше, ну и так далее. Некоторые посчитали, что нам следует немедленно уходить, пока целы — фашисты с минуты на минуту будут здесь.

Наш наблюдатель справа сообщил, что видит небольшую группу, и после паузы сказал: «Вижу своих солдат». При встрече с ними вначале состоялся весьма неприятный разговор. Они нас обозвали трусами, паникерами и изменниками. Не желая следовать с нашей группой, они взяли направление на восток, уговоры оказались бесполезными: они нас коротко и просто послали подальше..

После всего мы были вынуждены пригрозить им, что нас больше и вооружение лучше. Никто плохого им не желает, и, если мы объединимся, увеличим свои силы, то легче будет пройти опасные места. Мы легко сможем справиться с мелким подразделением противника. Эта группа, а их было всего 10 человек, решила присоединиться к нам.

Один из них, видно старший по возрасту, обращаясь к нам, сказал: «Вы извините за нашу грубость, нам приходилось встречать разных, поэтому — будь настороже со всеми». Далее говорит: «Не найдется у вас чего-нибудь съедобного, уже на поясе третью дырку пробил, скоро брюки потеряю. Мы из-под Харькова и вот уже целую неделю бродим по глухим полям Украины, ищем своих».

Кстати, именно они объяснили, самолеты противника пытаются обнаружить наших военнослужащих из различных групп, которые по каким-то причинам отстали или оказались отрезанными от своих частей. Им предварительно сбрасывают листов-

ки, в которых содержится сплошная ложь об уничтожении советской армии под Харьковом, об успехах немецких войск на других фронтах, о сдаче в плен большого количества солдат и офицеров нашей армии. Только под Харьковом уничтожено и взято в плен 90 тысяч человек; мол, как видите, сопротивление бесполезно, ваши соотечественники призывают вас сдаваться и переходить на нашу сторону, немецкие войска и командование гарантируют вам жизнь и мирный труд, а кто окажет сопротивление, того ожидает смерть.

После таких облетов и лживой пропаганды к этим местам подвезжал броневик, якобы для сбора военнопленных и направления их на сборные пункты. Нам, продолжал товарищ, часто приходилось бывать в такой обстановке, когда к нашим группам подходили почти вплотную броневики, немцы на ломаном русском передавали обращение к нашим солдатам и офицерам, в котором говорилось о порядке движения и о направлении военнопленных на сборные пункты. Немецкое командование, якобы, организует питание, будет оказана всесторонняя помощь и сохранность жизней и имущества. В это время у солдата остались только котелок на двоих и винтовка.

Некоторые военнослужащие, потеряв свои части и ориентировку, в панике бежали в различные стороны, в результате чего наскакивали на крупные силы противника, несли большие потери. Оказать отпор врагу или принять какие-то ответственные меры они были бессильны. Встречали много больных, раненых, потерявших последние силы, все тянулись на восток. Формировались в небольшие группы. Это удобнее для маскировки, поскольку в данной местности мало лесов, в основном местность открыта и просматривается на несколько километров». На этом и закончился наш короткий разговор и объяснение.

В процессе нашей беседы уточнилось положение на данную минуту, определилась и наша задача. Договорились совершить движение в направлении Богучар, где, по словам местных жителей, можно произвести переправу на левый берег Дона. Если наш план будет выполнен, это будет большая удача. Еще раз напомнили, что необходимо соблюдать строжайшую дисциплину и боевой поря-

док на марше, не дать возможность врагу обнаружить нас или застать врасплох, проявлять предельную осторожность при подходе к населенным пунктам и плохо просматриваемым местам.

Условились, прежде чем входить в населенный пункт, производить тщательную разведку, желательно расспросить местных жителей. При встрече с нашими военнослужащими следует оказывать возможную помощь, советом и делом. При встрече с врагом среди нас не должно быть трусов и паникеров, победу одерживает тот, кто посмелей и хитрей.

Итак, наша группа двинулась на Богучар, марш совершался в основном пешим ходом. Поскольку грузоподъемность не позволяла производить перевозку большого количества людей, мы вынуждены были делать несколько коротких рейсов, машину использовали также в целях разведки. В это время без конца справа и слева совершали полеты самолеты противника. Мы прошли несколько небольших населенных пунктов, в которых почти не оказалось людей. Видели только спящих по дворам кошек и изредка слышали лай собак.

Приближался вечер, резко сократилась видимость. Мы решили сделать небольшую остановку, подтянуть свою группу и с наступлением темного времени сократить интервал движения. К нашей остановке подошли несколько человек — жителей соседних сел. Со слезами на глазах, с большим переживанием и волнением спрашивают: «Что же происходит, почему так быстро враг продвигается вглубь нашей страны?». Стоящий рядом пожилой человек говорит: «Скоро выдохнется. Видишь, все наши села пустые, все ушли за Дон». Жители сообщили, что до Богучара примерно около 30 километров, ехать туда опасно, в этих местах идут ожесточенные бои, все мосты и переправы через Дон разбиты, хотя точно никто ничего не знал.

Мы все же решили продолжать продвигаться по предусмотренному плану. Выбрались на хорошую дорогу, прошли еще около десяти километров, увидели на дороге следы варварских бомбардировок.

На столбах висели оборванные телефонные и телеграфные провода, везде валялись обломки разбитых повозок, остатки горящих машин. Все говорило о том, что по этой дороге совсем

недавно проходили наши части, которые подвергались массированным налетам противника.

До нас доходили звуки артиллерийских стрельб, чувствовалось дыхание передовой линии фронта. Обстановки сложнее не может быть, нам совершенно неизвестно, где находятся наши воинские части, в каком положении, нет данных о противнике, в каком направлении он действует.

Наш ночной марш подошел к концу, еще полчаса и наступит светлый день. Окружающая местность открыта и далеко просматривается. Стало ясно, что каждая минута промедления смерти подобна. Прикинув сложившуюся обстановку, пришли к выводу: наше движение на Богучар отменить. Сознавая всю ответственность за положение и судьбу своих людей, было решено немедленно повернуть обратно для встречи с отставшими, которые следовали за нами, и вместе определить новое направление движения. Встреча состоялась, мы взяли курс строго на восток.

При подходе к населенному пункту (не помню названия) нас встретили местные жители, в основном женщины, старики и ребяташки, которые внимательно следили за разговором старших, улавливали волнующие их слова, вмешивались в разговор. Старшие их одергивают, а они свое: «Все равно наши победят».

Наш внешний вид без слов рассказал обо всем. Мы не успели стряхнуть с себя дорожную пыль, как женщины и ребята принесли нам пищу — хлеб, сало, молоко, кто что имел. Каждый горел желанием оказать посильную помощь. Подошел к нам довольно пожилой мужчина и говорит: «Я сегодня зарезал поросенка, можно сварить хороший суп, только за посудой нужно обратиться вон к той соседке», — и показывает рукой на дом, стоящий чуть правее маленького озера. Не успел закончиться разговор, слышу — женщина из этого дома несет громадный чугунный котел. Когда ее спросили: «Куда вы несете такую посудину?», она ответила: «Будем готовить для вас пищу». На вопрос, как она узнала, что нам потребуется такая посуда, ответ был короток: «Я следила за вашим разговором, и мне подсказало сердце, что вы голодные».

Действительно, все было ясно без слов, в то время каждого человека волновала судьба родины, каждый переживал и действительно чувствовал боль в своем сердце.

Нам посоветовали подъехать на мельницу, взять пару мешков муки, что и было сделано. Пока варилась пища, женщины успели поштопать некоторым одежду, нашелся сапожник и приступил к ремонту обуви — у некоторых солдат она совсем развалилась. Все побрились, помылись, стали чистые, подтянутые. Женщины говорят: «Какие вы все молодые и красивые стали, вас теперь не узнать. Невест в нашей деревне много, только женихи ушли». В ответ шутка — вот сейчас можно получить увольнение.

Обед прошел в теплой обстановке, мы ощущали любовь и жалость со стороны жителей к нам. Нашему краткому отдыху подошел конец. Мы просмотрели свое оружие, заправили горючим машину, последовала команда на марш. С болью в душе нас провожали местные жители, да и нам беспокойно было их оставлять. Распрощались со слезами на глазах, ребяташки нас проводили до конца деревни. Мы покинули деревню с чувством большой горечи, а жители махали вслед пока наша группа не скрылась за горизонтом.

Наше движение продолжалось в общем направлении строго на восток, как было задумано раньше, поближе к Дону, с целью скорейшего поиска подходящего места для переправы.

Мы уже прошли большой и трудный путь, позади остались Острогожск, Павловка, Езотроповский, Богучар и многие другие населенные пункты. На своем пути между Тиховской и Поповкой повстречались вначале с военнослужащими-одиночками, а позже появились небольшие группы наших военнослужащих, которые участвовали в боях южнее Харькова в составе 6-й и 9-й армий. По их словам, после тяжелого поражения многие наши подразделения разбрелись кто куда, везде снуют по полям и населенным пунктам, потеряв ориентировку и связь, не знают, что делать. Как и мы, они решили взять курс на восток, за Дон, а там разыскать свою часть.

Рассказали они и о печальных случаях, когда среди наших военнослужащих нашлись трусы и паникеры, в трудной обстановке они решили перемахнуть в безопасное место, оставив товарищей в беде. Поэтому многие оказались в руках врага и были расстреляны.

Вскоре мы встретились с небольшой группой солдат, которые действительно поддались одному провокатору, трусу, горлопану, который сам хотел перемахнуть на сторону врага, подбивал и других на этот шаг. У нас с этой группой завязался крупный спор, который впоследствии перешел в рукопашную. В этой же группе нашелся солдат, который не выдержал и «слегка» стукнул своего разбушевавшегося «вожака» прикладом по голове так, что он Богу душу отдал. После всего случившегося наступила абсолютная тишина и полнейшее взаимопонимание, вся группа двинулась за нами.

Подъезжая к Еланской, мы повстречались с местными жителями, которые сообщили, что противник почти беспрепятственно продолжает продвигаться вдоль правой стороны реки Дон, он уже занял Тиховскую, его передовые части приближаются к Еланской, а с юга со стороны Миллерова противник на подходе к Поповке. Наши войска отошли за Дон, где-то в районе Серафимовичей. Мы приняли всевозможные меры предосторожности, решили произвести разведку в сторону Серафимовичей. Этот путь до Дона был самым коротким, не исключено, что в этом районе должна быть переправа через реку и могли находиться свои воинские части.

Тяжело было смотреть на уставших до предела своих товарищей, которые уже прошагали не одну сотню километров по необъятным просторам Украины. Кроме всего, не удавалось решить вопрос о питании бойцов.

Я обратился к товарищам с призывом сохранять прежний боевой дух, не роптать, каждый должен быть разведчиком на марше. Все поднялись, несмотря на усталость, голод и, разбившись на группы, вновь приготовились к маршу. Я сел в кабину машины, несколько человек погрузилось в кузов и так мы тронулись в путь. Не проехали и десяти минут, как наши наблюдатели сообщили, что навстречу нам движутся гражданские люди, перебежками в сторону большого пшеничного поля. Мы остановились недалеко от них. Вначале подбежали к нам юноша лет пятнадцати, следом за ним осторожно подошли две девушки, которые прятались в поле, и второпях рассказывают: «Смотрите, вдали от нас слева хорошо видны два холма. В этих местах полно

немцев, прошло большое количество танков, автомашин, всюду разъезжают на мотоциклах». И тут же, прервав разговор, они пригнувшись, побежали в поле, скрываться от врага.

Мы спешили, а машину отправили в сторону небольшого кустарника на расстоянии около пятисот метров от нас. Наш шофер сразу же приступил к маскировке своей машины. Я подумал, молодец, догадался, быстро научился военному делу. Мы сами в это время вязали из пшеничных стеблей снопы для маскировки. Маскировка оказалась нужной и надежной, нам удалось обнаружить, как с этих же холмов на равнину вышли несколько танков, бронемашин противника, выскочили мотоциклисты. Танки взяли курс в сторону Серафимовичей, а мотоциклисты не спеша, как вначале нам показалось, стали совершать движение в нашу сторону с небольшим интервалом между собой.

На этот раз мы подготовились к встрече с непрошенными гостями так, чтобы среди них не было обиженных, да, собственно говоря, у нас другого выхода и не было. Я подумал, для полного успеха необходимо подпустить их как можно ближе и собрать поплотнее. Для этого самое главное — сохранить спокойствие и выдержку, нельзя допустить, чтобы дрогнули наши нервы, это опасно для нас и всей нашей группы.

Я обратился к товарищам: «Будьте спокойнее, не бойтесь». Кто-то из наших произнес: «Мы уже таких видели». Тем лучше. Я сказал бойцам: «Сейчас в левую руку возьму белый платок и медленно пойду им навстречу, сделаю вид, что готов сдать. Первый или головной мотоциклист обязательно остановится, к нему тут же подъедут остальные, а вы должны взять всех на мушку. Сигнал для стрельбы — я резко опускаю руки и тут же бросаю гранату в гушу немцев». В эту минуту из нашей группы ко мне подполз солдат, звали его Миша, а фамилию не помню, сам он крепкого сложения, спокойный по характеру. Проговорил он быстро, с небольшим волнением: «Я пойду навстречу немцам бросать гранату, я в стрельбе из винтовки слаб, прошу Вас позволить мне. Так будет лучше». Этот случай еще раз подтвердил, какое было сильное желание у солдата защитить свою Родину, свою землю от чужеземных захватчиков, жертвуя собой ради победы.

Однако нашему плану не суждено было осуществиться, так как фашистские мотоциклисты, не доехав до нас примерно около четырехсот метров, повернули строго на север. При наблюдении стало очевидным, что в их задачу входило боковое (с правой стороны) охранение движущейся колонны, которая держала курс на Серафимовичи. Трудно себе представить, чем могло бы все закончиться, если бы наша небольшая группа повстречалась с мотоциклистами, за спиной которых двигалась такая масса войск с танками, бронетранспортерами, артиллерией.

Тут же в воздухе появилось множество фашистских самолетов-бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Мы, не теряя времени, ползком, стараясь не обнаружить себя, добрались до своей машины и тут же двинулись навстречу к своим пешим группам, которые следовали за нами.

При встрече мы рассказали все, что видели и слышали, какие меры и решения принимались в данной обстановке. Они, в свою очередь, доложили: «Западнее нас проследовала большая колонна немцев. Нам пришлось залечь, и мы пролежали порядка двадцати минут, мы думали, что они вас накроют».

Нам стало ясно, что мы залезаем в такой мешок, который осталось только завязать. Оценивая обстановку, приняли новое решение — отклониться немного южнее от предыдущего направления на Серафимовичи и взять курс в сторону Калача-на-Дону.

Дело шло к вечеру, когда мы добрались до населенного пункта, сделали короткую остановку. Необходимо было организовать питание, учитывая, что в нашу группу добавилось еще несколько человек. Обстановка лишила нас возможности получать информацию от местного населения, большинство из них ушло за Дон. Некоторые заявляли, что необходимо вступить в бой и пробиться за Дон. Послышались голоса: правильно, чему быть, того не миновать. Другие были против такого решения, так как для уничтожения нашей группы достаточно одного танка и сотни хорошо вооруженных солдат. Необходимо искать другой выход, более реальный для нас. В заключении решили продолжить движение на Сталинградский Калач.

Движение проходило успешно, организовано, соблюдалась строгая дисциплина. Все прекрасно понимали, что в данных

условиях, если проявить малейшую ошибку или недисциплинированность, может случиться непоправимое для всех нас. Настроение людей боевое, уже приобретен некоторый опыт в бою и на марше, научились ориентироваться на местности и переносить все тяжести и трудности боевой жизни. В ночное время нам удалось увидеть справа и слева зарево пожаров, вспышки огня от артиллерийских стрельб, были слышны отдельные глухие выстрелы. По этим наблюдениям мы внесли поправку в свой маршрут, выбрали новое направление. Вся наша группа осталась довольна решением, мы стремились избежать бессмысленных столкновений с врагом, так как всякие стычки явно были бы не в нашу пользу. Мы по-прежнему не имели сведений ни о месторасположении наших частей, ни о противнике. Кроме того, у нас на вооружении были только два противотанковых ружья и винтовки образца 1891 года, причем патронов весьма ограниченное количество.

Несмотря на все трудности и невзгоды за вечернее, ночное и утреннее время нам удалось продвинуться не много, но и не мало, почти на 50 километров, множество населенных пунктов осталось позади. Было около шести часов утра, солнце своими ласковыми лучами осветило пшеничные поля. Вокруг тишина. В звенящем от чистоты воздухе разлит запах степных трав и цветов. Впереди нас, около двух километров, на небольшом склоне появилась небольшая деревушка. Нас это обрадовало: «Ну, что, братцы, дотянем?». Все в один голос: «Постараемся, нельзя же подводить самих себя». Некоторые шутят, что в этой деревне все будет: пицца, отдых и прекрасные девушки. Раздался общий смех, а один из более пожилых солдат медленно произнес: «Смотри, не объешься, схватит понос, придется в руках нести свои портки, а свою винтовку передать соседу».

Закончился веселый разговор, все затихли. Наверно, каждый вспомнил свой родной дом, свое село, родных, знакомых, а может быть, свое счастливое детство. И даже в эту трудную минуту наших товарищей не покидала уверенность в победе.

До деревни осталось около одного километра. Вдруг, как по команде, по всей деревушке от первого до последнего дома затрещали автоматы, послышались взрывы гранат, разгорелся на-

стоящий бой. Все это произошло настолько неожиданно, в одно мгновение, что на первых порах ошеломило нас всех. Трудно с ходу разобраться, в чем дело. До этого не было слышно стрельбы или гула транспорта, не было никаких признаков передвижения воинских подразделений. Стрельба усиливалась. Кто-то из наших крикнул, как будто его ремнем стегнули по мягкому месту: «Братцы, в деревне фрицы!». Выяснилось, что в деревушку забрались фашисты для грабежа и насилия — так у них принято, в таком духе они себя давно зарекомендовали.

Мы тут же стали готовить удобные места для отражения врага. Для нас остался неясным вопрос, откуда и когда они могли появиться, при такой тишине и, казалось бы, в совсем глухом месте. Мы приняли все меры предосторожности: установили круговое наблюдение, в срочном порядке выслали в сторону деревушки свою разведку, которая состояла из двух групп. В первой группе, состоящей из пяти человек, старшим был зам. командира батареи. Вслед за ними отправился и я с десятью бойцами. Интервал между первой и второй группами составлял примерно около 250-300 метров.

Первая группа достигла южной окраины деревушки. В это время фашисты повели яростное наступление на северо-восточную окраину. Они были настолько увлечены своей атакой и беспорядочной стрельбой, что не заметили нашего нахождения в их тылу.

За это время от местных жителей мы узнали о численном составе противника и обороняющейся группы наших солдат. Нам удалось подобраться на самое близкое расстояние к врагу. За считанные минуты тридцать человек заняли свои боевые места, подготовились к атаке и с большим напряжением ожидали команду. Послышались не совсем уверенные голоса, почему, мол, комбат не подает команду, ведь пора, все ясно, очевидно, тут-то он и струсил. Да, они были в чем-то правы, но не учли главного: для командира настала самая ответственная минута в его жизни. Командир отвечает за судьбу вверенных ему людей. Поэтому подать команду «В атаку, вперед, за мной, ура!» — это просто. Люди, безусловно, пойдут вперед, начнут палить, забыв обо всем, не видя друг друга и что делается вокруг. Каждый командир должен

внимательно следить за происходящими событиями, определить главный удар, использовать все возможные средства для полной победы. Не продумав своего главного удара, можешь заранее считать себя обреченным на поражение.

Гитлеровцы, очевидно, считали, что до победы остались считанные секунды, ружейная стрельба со стороны обороняющейся группы стала реже, прекратились взрывы ручных гранат. Враг это заметил, немцы стали выползать из укрытий, размахивать руками, автоматами. Похоже, происходил обмен «опытом» по завершению «операции». Немцы уже торжествовали.

В эту минуту мы взяли на прицел каждого появившегося фрица. Вот тут-то и последовала команда: «Огонь!». От неожиданной и точной стрельбы враги настолько растерялись, что просто запаниковали. Они начали удирать кто куда, в результате сами налетали на прицельный огонь наших солдат. Наша обороняющаяся группа воспользовалась замешательством врага, тут же перешла в атаку, их смелость, решительность стали вдохновляющим примером для всех нас. Они были прекрасными стрелками, получившими, как выяснилось впоследствии, богатый опыт в боях за Харьков.

В результате боя гитлеровцы потеряли около 35 человек убитыми и 3 человека получили тяжелые ранения. Они жестами показывали, что нас ожидает смерть, кругом немецкие войска. Мы тоже показали, что им и их Гитлеру подготовлен большой деревянный крест.

В этой схватке с врагом мы потеряли двух человек — погибли политрук батареи, лейтенант, и один рядовой. Обороняющаяся группа потеряла четырех человек из двенадцати.

Нами захвачены трофеи: одна грузовая автомашина с награбленным у населения имуществом (вторая немецкая машина во время перестрелки и боя драпанула). Подобрали автоматы, патроны и небольшое количество продуктов.

После завершения короткого боя наши доблестные воины стали приводить себя в порядок, с жадностью бросились к колодцу попить свежей холодной воды, каждому хотелось освежить запыленные и обожженные солнечными лучами лица. Местные жители с большим восторгом встречали нас, прокли-

ная врага, говорили: «Спасибо вам, наши дорогие, за ваше мужество и твердость духа, проявленные в этой неравной схватке».

Учитывая сложившуюся обстановку, нам нельзя было надолго задерживаться в этой деревушке. Надо полагать, что после такого разгрома враг не простит и не оставит нас в покое. Он примет все необходимые меры для полного уничтожения нашей группы, к тому же мы находились в тылу его войск. Посоветовавшись с товарищами, осмотрев окружающую местность, определили возможное направление врага. Учитывали и то, что из разгромленной группы фашистов нескольким удалось ускользнуть.

Нам необходимо было проявить военную хитрость, запутать следы своего ухода и выбрать дальнейший маршрут нашего движения. После короткого размышления вкратце объяснили план своим товарищам, которые с большим вниманием выслушали и одобрили его. Каждый понимал, что другого выхода нет. Вначале нам необходимо было двинуться в северном направлении. После того, как скрылась наша деревушка, примерно в пяти километрах сделали поворот вправо и взяли курс строго на юго-восток. Прошли по местам, где более холмистая местность, покрытая мелкими кустарниками, подальше от магистральных дорог.

Необходимо было подобрать надежное место, организовать отдых, в котором все так нуждались. Надо было также накормить людей, проверить и подготовить свое оружие, распределить боеприпасы с учетом трофейного оружия. Движение проходило успешно, мы проскочили несколько балочек с пологими и крутыми подъемами и поворотами. В общем, добрались до места, где можно дать людям отдых. Местность во все стороны хорошо просматривалась. Организовали круговое наблюдение.

Мы с моим заместителем, лейтенантом, и командирами отделений решили произвести осмотр района, определить места для постов охраны, а, если понадобится, и для боя, наблюдения за воздушным противником с целью выяснения, в каком направлении производятся полеты, и т.д.

Мы прошли примерно около одного километра, поднялись на бугорок, и перед нами открылась прекрасная мирная панорама: поля созревшей пшеницы, которые с нетерпением ожидали тружеников-косарей. После осмотра района, возвращаясь к сво-

ей группе, мы увидели, что все до единого уснули крепким непробудным сном. Один солдат из нашей группы уснул прямо на муравейнике, и по нему ползало множество муравьев. Мы решили перенести его в другое место, подальше, чтобы его не искусили. Когда начали переносить, он оказался настолько тяжел, что мы его уронили, он стукнулся головой о землю, но не проснулся и не почувствовал, что спит на новом месте.

Наш отдых и сон длился около 4 часов, время перевалило за вторую половину дня. Четырехчасовой сон — большое дело для солдата, мы стали сильнее и бодрее. Мы должны были за ночное время проехать солидное расстояние, поскольку у нас добавилась одна грузовая машина из числа наших трофеев.

Авиация противника начала действовать в юго-восточном направлении, группами по 20-30 самолетов в сопровождении истребителей. Невооруженным глазом можно было определить, что боевые действия наземных войск проходят на подступах к Калачу-на-Дону. После бомбежки авиация противника возвращалась на свои базы тем же курсом, в том же направлении. Противник продвинулся значительно вперед, на юг по Дону, несколько опережая нас.

Несмотря на все сложности, настроение наших людей было как никогда хорошее, боевое, их ни на минуту не покидала мысль о полной удаче. Каждый готов был сражаться до последнего дыхания, пока сердце бьется в груди.

Дело шло к вечеру, наша группа двинулась вперед на восток. Необходимо было использовать светлое время для выбора и уточнения главного направления. Ночью, решили мы, если сложится такое положение, будем с боями пробивать себе дорогу.

Мы проскочили несколько небольших деревушек или хуторов. Они оказались совершенно пустыми: мертвая тишина, ни собак, ни кошек, которые обычно ночами бегают по домам. И только при выезде из деревушки нас повстречали жители, которые сообщили, что сейчас все деревни опустели, основная масса людей ушла в сторону Дона, некоторые — в другие села, где менее опасно. Наши войска здесь не проходили, южнее прошло много — за Дон. Добавили, что действующая переправа только в

районе Сталинградского Калача, но точной информации не было. Обстановка настолько быстро менялась, что нам без конца приходилось маневрировать по полям и проселочным дорогам. Мы находились где-то юго-восточнее Серафимовичей. Если судить по времени, то проехали около 40 километров своего пути. В группе появилось законное беспокойство: на пройденном пути не оказалось ни единого человека, чтобы уточнить место нашего нахождения и узнать сколько километров осталось до Калача. Дорожка привела нас на самую вершину холмистой местности, все стало видно как на ладони. Вокруг неописуемая красота, на редкость чистое небо и приятная прохлада.

Все заговорили об отдыхе и о пище. Это было законным желанием, так как все настолько устали и проголодались, что у многих даже голоса изменились, а глаза помутнели. Мы спустились под уклон, проехали около 3-4 километров в северном направлении (дорога как бы огибала с правой стороны возвышенную местность), и тут же перед нами открылась какая-то зеркальная полоса. Подъезжаем ближе, и наши наблюдатели на машинах бьют кулаками по кабине, чтобы остановить машину. Не ожидая полной остановки машин, люди начали спрыгивать, и все, как по команде, в один голос закричали: «Товарищи, добрались, добрались! Смотрите, впереди Дон». Эту радость трудно передать, я только могу сказать, что мне впервые пришлось увидеть слезы радости на глазах своих товарищей. Мы не знали, чем успокоить свои эмоции, обнимали друг друга, толкали, в общем, радовались как дети.

И тут же увидели, чего не ожидали — большое скопление гражданских лиц. Кроме всего, громадное количество скота подготовлено для переправы на левый берег. Множество повозок с домашним имуществом, некоторые просто с узелками, колясками и т.д.

Мы приблизились к этому «табору», нельзя было без боли смотреть на это скопление людей, на их мучения, особенно маленьких детей, которые не понимали, кто и за что так жестоко их наказал. Мне вспоминается такой случай. В сторонке сидела женщина, держа на руках маленького ребенка. Вначале он тяже-

ло плакал, а потом потерял голос. Я спросил, что с ним. Женщина ответила: «Был налет немецких самолетов, обстреливали нас, в это время ранили меня и моего ребенка, он потерял все силы от боли».

Затем я подошел к другой группе сидящих людей. Они рассказали: «Авиация противника без конца бомбит, многие получили ранения, несколько человек убили. А женщина, с которой вы беседовали, хотела покончить с собой и вместе с ребенком бросилась в реку, но ее спасли. В километре ниже по Дону работает переправа, говорят, наш представитель ушел туда договориться насчет переправы людей, а животных думают пустить вплавь».

Переправа через Дон

Подъехали к переправе. Из-за давности лет не могу припомнить точного места, 10-15 километров от Калача вверх по течению Дона. Вокруг переправы скопилось много военного транспорта, все рассредоточилось с правой стороны Дона в ожидании своей очереди. Между транспортом проходят солдаты различных подразделений, ищут своих.

На переправе оборудовано два причала с правой и левой стороны Дона. Из переправочных средств задействована одна большая баржа, а вторая, металлическая, стояла справа от причала и не использовалась. Баржа была узкая, посередине ее находилась прочная металлическая рубка. Казалось, машину поставить невозможно. Мы внимательно ее осматриваем, измеряем, и приходим к выводу, что и эту баржу можно использовать для переправы.

Я подошел к руководителю переправы за разрешением использовать свободную баржу. Он говорит: «Бери, если сумеешь поставить свою машину и не удержишь нас. удержишь — голову снесу. Понял?». И добавил: «Видишь, сколько техники скопилось, ее надо переправить на левый берег, фашисты жмут со всех сторон и отсюда враг не так далеко, уже доходят звуки артиллерийских стрельб». Я ответил: «Все ясно, товарищ майор».

Мы притянули баржу к причалу, поставили под небольшим углом, погрузили свою машину. Ко мне подошел майор, ударил меня по плечу и говорит: «Молодцы. А сейчас постарайтесь поставить на другую половину баржи еще одну машину, на ней восемь человек раненых».

На противоположной стороне у причала закончилась разгрузка большой баржи и отдали команду на возвращение ее на правую сторону Дона под следующую погрузку. К этому времени мы были полностью подготовлены к отправке, наша баржа была подтянута к тросу через Дон, осталось только получить ко-

манду. К нам вновь подошел майор, спросил, как дела. Я доложил, что все в порядке и все готово. «Действуйте», — так началась переправа на долгожданный левый берег Дона. Настроение у наших солдат отличное, кто-то даже затянул песню «По Дону гуляет казак молодой», остальные тут же подхватили. Один из командиров взводов, лейтенант, сказал, что впервые видит, какой прекрасный Дон: вода чистая, как слеза, тихая, даже на душе стало радостнее.

Переправились на левый берег и приступили к разгрузке. Вначале разгрузили машину с ранеными. Для разгрузки нашей машины необходимо было развернуть баржу другим концом к причалу. Все было сделано, но тут случилась беда: задние колеса машины провалились между причалом и баржей. Машина вот-вот плюхнет в воду, скандалу не оберешься, вся переправа оказалась под угрозой срыва. К этому моменту с правой стороны подали сигнал освободить причал — большая баржа должна совершать свой очередной рейс. После предупредительного сигнала мы вцепились в свою баржу и машину так, что они оказались в клещах людских рук, и дружным толчком выбросили машину на причал. В это время большая баржа находилась уже на середине Дона.

Только мы отъехали от причала метров на 100 и сделали остановку, как тут же появилась авиация противника, которая обрушилась своими ударами на переправу. Одна из бомб прямым попаданием в щепки разнесла причал левого берега, где мы только что находились. Если бы наша полуторка задержалась на причале на одну минуту, мы полетели бы в «рай».

Бомбили в основном большую баржу, она получила прямое попадание, было много убитых, раненых и утонувших людей. Дон был наполнен человеческой кровью. Оставшиеся в живых бросились спасать товарищей и технику. На правом и левом берегу Дона в срочном порядке было произведено рассредоточение людей и техники, которая была подготовлена для переправы. Мне было приказано немедленно следовать своим маршрутом.

К Сталинграду

Полуторка была в полном порядке. Мы подзаправились горючим и двинулись на Сталинград. Людей стало меньше. Многим нашим попутчикам уже удалось установить местонахождение своих частей. Прощаясь с нами, они с большой теплотой благодарили за дружескую помощь и поддержку в трудную и опасную минуту. Наша дружба и стойкость послужила примером для многих солдат и гражданского населения, всех, кто оказался в беде.

Мы совершали свой марш в тяжелейших условиях от Харькова до Сталинграда, половину пути прошли по тылам врага, сохранили в себе силы, энергию и высокий моральный дух. Эти люди были смелыми, отважными, они принимали участие в тяжелых и неравных боях под Харьковом и Изюмом, в других городах и населенных пунктах.

Во второй половине дня мы прибыли в Сталинград, громадный, цветущий город, расположенный на крутом берегу вдоль великой русской реки Волги, с большим количеством населения. Кто бы мог предполагать, что здесь, на этой земле, буквально через несколько дней развернутся боевые действия двух гигантских армий, в которых с обеих сторон будет участвовать свыше 2 миллионов человек.

У стен Сталинграда, на улицах и площадях города кипела работа — готовились, строили баррикады к обороне. В этой тяжелой работе принимало участие все население.

В Сталинграде я совершенно случайно встретил военнослужащего, он был в звании капитана. Спрашиваю, как мне разыскать штаб армии или дивизии, все равно. Он удивленно посмотрел на меня и спросил, зачем мне это. Я объяснил, что мы совершили марш из-под Харькова, если слышали, станция Мандрово, добрались до Сталинграда. Товарищ капитан оказался весьма приветливым человеком, пригласив меня в не-

большой домик. Я понял, что здесь разместился какой-то штаб. Там он мне предложил сесть на табуретку, а сам сел за стол. Спокойно спрашивает: «Ну, товарищ Лапко, рассказывайте о своих делах, и что у вас имеется». Я доложил, что имеем 18 человек и одну грузовую машину «Газик», все товарищи обстреляны, были стычки с врагом, в которых мы потеряли политрука батареи и одного солдата, в общем, дрались смело и уверенно. Капитан улыбнулся и говорит: «Ну, я в этом не сомневаюсь». После наших разговоров он написал записку дляправки горючим нашей машины и сообщил местонахождение нашей бригады, которая в то время дислоцировалась на территории совхоза Бойкие Дворики, около 20 километров севернее Сталинграда.

По прибытии на местонахождение бригады встреча была настолько радостной, что невозможно описать и рассказать. Когда я увидел командира бригады, майора, и его заместителя по политчасти, тоже майора, от радости потерял голос, а солдаты, сидящие на машине, не смогли даже подняться.

Но когда мы обнялись с командиром, все как один спрыгнули с машины, подбежали к нам с криком «ура!», бросали вверх свои головные уборы.

С большой радостью и ликованием закончилась наша встреча и завершился наш длинный, невероятно тяжелый путь от Мандрово до Сталинграда. Мы постоянно находились словно в тисках, зажатые со всех сторон врагом, не зная обстановки, не имея необходимой связи, пищи, сна и отдыха. Люди, только что надевшие военную форму, думали об одном: чего бы ни стоило, каких бы трудностей не было, мы должны победить. На нашем пройденном боевом пути нам оказывали помощь наши граждане, которые и сами подвергались риску и опасности.

Командир бригады поздравил нас с прибытием, пожелал всем крепкого здоровья и успеха в борьбе с фашистскими захватчиками. Вспомнил тех, кому больше не суждено быть среди живых...

Сразу же после встречи мы получили приказ командира бригады отправиться на левый берег Волги, нам в помощь ко-

мандир бригады назначил сопровождающего. В заключение он сообщил, что через час выступает и бригада.

Совершив небольшой марш, примерно через два часа мы сосредоточились в нужном районе, на самом берегу р. Ахтубы. Ознакомились с районом своего сосредоточения, на редкость красивейшее место. Кругом раскинулись необозримо широкие луга со множеством небольших озер, совсем рядом протекает тихая, с живописными берегами река Ахтуба — левый рукав нижней Волги. Вдали на северо-востоке небольшая возвышенность, на которой расположена деревушка, а в стороне от нее стоят еще несколько домиков. Кто-то сказал: «Молодец природа, сумела создать такой неповторимый пейзаж, художнику осталось совсем мало — взять кисть и нанести на полотно. Разобьем фашистов, приедем сюда и здесь останемся на всю жизнь».

Ко мне подошел старшина батареи с просьбой разрешить проехать ему в эту деревушку, разведать, как они живут, какие новости, чем богаты. Разрешение на поездку выдано, но не более чем на два часа. Машина стояла в стороне, тщательно замаскированная. Слышу, заработал мотор. Я спросил, почему завели машину. Старшина ответил: «Я отсюда подал сигнал. Вы не заметили, что я снял пилотку и дал отмашку?».

Итак, «разведка» отбыла, прошло около полутора часов, признаков возвращения пока нет, все взоры обращены в сторону деревни. Вскоре машина вернулась, «разведка» доложила, что буквально все местное население вышло на улицу им навстречу, их окружили, накормили, взяли в тесное кольцо, из которого трудно было вырваться, особенно из рук молодых девушек. Пока вели разговоры, отвечали на вопросы, на машину погрузили три мешка яблок и вдобавок бредень для ловли рыбы. Оказывается, в этих озерах много рыбы.

Мы тут же подобрали рыбаков и отправили на промысел к ближайшему озеру. В этом озере нашей рыбацкой группе сразу же крупно повезло: за два захода улов оказался около 70 килограммов. Из этой рыбы к обеду была приготовлена уха. Поверьте, когда я писал эти строки, несмотря на давность, я чувствовал ее приятный вкус, запоминающийся запах и вид. Кро-

ме ухи на обед были печеные яблоки, вместо хлеба — мучные лепешки. Муку получили на колхозной мельнице, когда двигались к Сталинграду.

Уже отъезжая от совхоза Бойкие Дворики, мы повстречались с людьми, которые перегоняли с южных районов нашей страны табуны скота в северо-восточном направлении. Из этого табуна нам выбраковали одного теленка, который уже не мог дальше двигаться. Был составлен акт с уплатой 500 рублей (за теленка пришлось уплатить мне свои).

Вскоре к месту нашего сосредоточения прибыла бригада в малочисленном составе. Командир бригады и его заместитель подошли к нашему расположению. Я построил свою группу, доложил, как положено. Командир бригады осмотрел почти каждого солдата с ног до головы, спросил, как дела, настроение и задал ряд других вопросов. После короткого обхода заметил, что в стороне возле кустарника суетятся люди. «Что там?». Я ответил — идет подготовка к обеду. «Какому еще обеду?» — с удивлением посмотрел он на меня. Подошли к нашей «кухне», он тут же спросил меня, каким образом нам удалось подготовить такой «пир». Я ответил: «Наша инициатива, а также помощь местного населения». Тут же я получил распоряжение немедленно продолжать заниматься рыболовством и обеспечить питанием бригаду. Объяснил, что потери были велики, кроме всего во время боев произошла потеря документов (аттестаты и чековая книжка) по обеспечению продовольствием бригады.

После обеда командир бригады распорядился произвести мелкий ремонт одежды, сапог и простирнуть обмундирование. В общем, привести в порядок себя и боевое имущество. Ужин и завтрак были организованы уже совместными усилиями. После завтрака состоялось общее построение бригады.

Командир бригады и его заместитель по политчасти представили «бригаду» совсем в малочисленном составе, одна пушка, и та без колеса. Коротко сообщил о боевых делах бригады, которая сражалась с превосходящими силами врага. Бригада уничтожила большое количество боевой техники и живой силы противника, были названы герои боев, которые сражались

до последнего дыхания. Трудно было описать словами тот массовый героизм, который проявили наши солдаты и офицеры во время сражения. Затем был зачитан приказ о расформировании бригады, и передачи остатка личного состава для укомплектования 15-й истребительно-противотанковой бригады. Часть офицерского состава направили в отдел кадров фронта.

Я получил назначение в Москву, в учебный центр зенитной артиллерии, который располагался в поселке Крылатское (ныне это красивейший район города Москвы).

В Центральном архиве Минобороны нет никаких документов о 13-й истребительно-противотанковой бригаде, так как после выхода из Харьковского котла мало кто уцелел из ее бойцов. К сожалению, автору не удалось вспомнить имена командира бригады и его заместителя по политической части.

Курская битва

После переподготовки в Подмоскowie моя дальнейшая служба проходила в 273-м зенитном артполку, который позже вошел в состав 8-й зенитно-артиллерийской дивизии РВГК и был переименован в 1063 ЗАП. Я являлся командиром зенитно-артиллерийской батареи 85-миллиметровых орудий, действовавшей в составе 1-й танковой армии генерала Катюкова. Мне по обстановке приходилось открывать огонь не только по самолетам, но и по пехоте и другим наземным целям. Наши новые 85-миллиметровые орудия обладали большей точностью, скорострельностью и подвижностью, они полностью оправдывали свое назначение.

К весне 1943 года в тылу и на фронтах ускоренным темпом проходило формирование новых частей, доукомплектование действующих армий, создавались резервы.

В первой половине 1943 года на вооружение армии стало поступать большое количество различных видов и образцов нового вооружения. Оно поступало в стрелковые, танковые, авиационные и артиллерийские части, что заметно повысило дееспособность наших частей.

В период подготовки к сражению, день и ночь войска трудились над созданием оборонительных рубежей: всюду тянулись траншеи, ходы сообщений. Были открыты, оборудованы и замаскированы окопы для установки артиллерийских орудий, танки закапывались в землю, на поверхности чуть виднелись их башни, а стволы направлялись в сторону ожидаемого врага.

Создавали необходимые минные поля, плотность которых доходила до трех с половиной тысяч мин на один километр. В создании оборонительных полос и рубежей немалую помощь оказывало население прифронтовых районов.

Наряду с техническим перевооружением армии и созданием инженерно-оборонительных рубежей, в войсках была проведена большая боевая подготовка и политико-воспитательная

работа. Командиры и политработники в дивизиях, полках, батальонах, ротах, батареях разъясняли личному составу способы борьбы с новыми вражескими танками, используя при этом наглядные пособия и плакаты. На схемах были указаны тактико-технические данные немецких танков, красными стрелами обозначены их уязвимые места.

Перед самым сражением весь офицерский состав как никогда был озабочен судьбой своих товарищей по оружию, нацелен на успех в бою. До каждого солдата командиры доводили задачи его подразделения, разъясняли, что исход этого сражения имеет особо важное значение для наших вооруженных сил, в целом для советского народа, для победы над врагом.

Войска 1-й танковой армии до ввода в действие были расположены в направлении ожидаемого главного удара противника по Белгородскому шоссе на Обоянь — Курск.

Мне приходилось прикрывать от вражеской авиации одну из танковых бригад этой армии, которая дислоцировалась в лесу южнее г. Обоянь, примерно в 10-14 километрах. Зенитно-артиллерийская батарея, которой я командовал, находилась среди танковых подразделений и имела задачу быть готовой в любую минуту открыть огонь в случае налета авиации противника. Было приказано строго соблюдать маскировку и вести наблюдение за воздушным пространством и окружающей местностью.

В войсках знали, что готовится масштабное сражение, все находилось в ожидании. 4 июля над линией фронта нависла темная из дыма и пыли туча, даже лучи яркого солнца не в состоянии были пробить эту движущуюся толщу. Доносились глухие звуки от взрывов бомб крупных артиллерийских снарядов.

Примерно около трех часов ночи 6 июля 1943 года все подразделения нашей танковой армии были подняты по боевой тревоге. Весь командный состав бригады срочно был вызван на совещание. Мне было приказано немедленно привести свою материальную часть в походное положение и явиться в штаб полка. Командир полка подполковник Гузенко* сообщил коман-

* Гузенко Дмитрий Максимович, 1901 г.р., в армии с 1919 г., в августе 1944 г. был представлен к ордену Красного знамени.

дирам батареей старшему лейтенанту Черненко, старшему лейтенанту Луконину, мне и еще одному (фамилию не помню), что противнику удалось вклиниться в боевые порядки наших войск, которые вели напряженные оборонительные бои. Бригаде было приказано остановить продвижение танков противника, двигавшихся в сторону г. Обоянь.

После этого нам зачитали обращение командующего 1-й танковой армии генерала Катукова М. Е. к личному составу.

Это обращение имело исключительно большое значение, причем не только политическое, но и моральное, подняло дух солдат и офицеров нашей армии, усилило уверенность в победе. Я искренне сожалею, что не помню текста этого обращения. Но могу сказать и сегодня, что оно затронуло самые глубокие чувства тех, кому суждено было скоро вступить в бой с врагом.

Это были последние минуты ожидания, весь состав бригады находился на своих боевых местах в ожидании сигнала. Наконец, примерно около 18 часов, в воздухе появилась зеленая ракета. Тотчас же множество танков Т-34, как будто вздрогнули после крепкого сна и, на мгновение показалось, что проснулся вулкан, раздался лязг гусениц — танки двинулись. Во все стороны полетели щепки, могучая танковая лавина двинулась навстречу вражеской армаде. В такой обстановке как никогда нужна быстрая ориентировка на местности, важны смекалка и умение поддерживать связь между собой, точная информация о соседях и противнике.

Я со своей батареей следовал за танками, и в нужный момент должен был выбрать на местности удобную огневую позицию и быть готовым прикрыть танки от нападения воздушного противника, а также вести огонь при появлении наземных целей. Наши танки поднялись на широкую возвышенность, шли быстро, уверенно, смело, обгоняя друг друга. Мы были восхищены этой живой картиной.

Танковая бригада проскочила несколько лощин, подъемов. Выбралась на равнину и достигла передовых позиций наших войск. Я со своей батареей, как ни старался на марше следовать вместе с танкистами своей бригады, отставал от них. Танки на

некоторых участках развивали скорость до 60 километров в час. Мы же двигались значительно медленнее. Наши машины ЗИС-42, имея на прицепе 5-тонную пушку, могли набрать на шоссе скорость не более 40 км/ч, а здесь, в условиях бездорожья, с большим трудом тащили тяжелые орудия.

Несмотря на это, нам посчастливилось беспрепятственно и своевременно добраться до своего района расположения. По пути следования мы видели в нескольких лощинах замаскированные штабные машины, санитарные пункты, куда со всех направлений стекались легкораненые, в некоторых местах дымили кухни — шло приготовление пищи.

Следующая зона выглядела совершенно по другому: куда ни помотришь — всюду расположены артиллерийские огневые точки. Артиллерия вела огонь, стоял грохот, без конца во все стороны сновали автомашины, на которых подвозили боеприпасы, горючее, питание. Увозили раненых.

От работников штаба нашего 1063 ЗАП я получил приказ командира полка занять огневую позицию в районе совхоза Сталинский. В моей записной книжке, которая сохранилась до сегодняшнего дня, отмечено: «доехать до стыка дороги на Ивню, сделать поворот влево в сторону Белгородского шоссе, проехать 1 км, после чего сделать поворот на северо-восток на Орловку, сосредоточиться скрытно и занять огневую позицию, южнее окраины Орловки».

Мы оказались среди позиций противотанковой артиллерии и танков, часть из которых находилась в окопах, а большинство подыскивали подходящие места для боя.

Пехотные подразделения старались зарыться поглубже, чтобы обезопасить себя от танков противника, а также изготавливали легкие перекрытия от осколков и пуль.

Мы развернули свою батарею к бою и тут же начали копать ровики для пушек. Каждый старался как можно быстрее выкопать ровик и затем замаскировать орудие. Те, кому удалось быстро выполнить эти работы, оказывали помощь своим товарищам из других расчетов.

Пока велись инженерные работы на огневой позиции, я составил донесение командиру полка. Вот что отмечено в моей

записной книжке: «1. Личный состав — 84 человека. 2. Бензина 392 литра. 3. Материальная часть исправна полностью, за исключением 3-го орудия — сбит прицел. 4. Автотранспорт ЗИС-42 — 4 шт. Одна автомашина сломалась в пути, оставлена в деревне. 5. Обмундирование, подлежащее замене: гимнастерок 68 шт., брюк 56 шт., ботинок 48 пар. 6. Связь: имею всего 8 км телефонного кабеля и 2 аппарата. 7. Необходимо добавить подкалиберных снарядов [прим. ред. — для борьбы с танками] и осколочных [прим. ред. — для борьбы с авиацией]».

Трудно описать передовую линию фронта и передать, что она представляла собой в этот момент. Это был громадный кипящий котел: кругом сплошные взрывы снарядов, мин, свист пуль, небо без конца бороздят самолеты. С передовой множество людей возвращаются с белыми повязками, раненые в голову, в ногу, руку, некоторых несут на носилках, других ведут под руки...

Не прошло и часа после нашего обустройства на новом месте, мы еще толком не успели осмотреться, оценить, что происходит вокруг, как со стороны противника почти по всей линии фронта грохнул такой залп, что от мощи артиллерийского огня поднялась стена земли вперемешку с черным тяжелым дымом. В нашу сторону полетела масса воющих и грохочущих снарядов разных калибров, мин, затем в воздухе появилась авиация противника группами по 20-30 самолетов и начала бомбить наши позиции. Некоторые самолеты, чтобы вызвать панику в наших рядах, сбрасывали пустые бочки из-под бензина, которые создавали такой вой и свист, что, казалось, летит не пустая бочка, которая особого вреда не причинит, а невиданная сила, способная уничтожить все живое на земле. Но эта хитрость не действовала на наших солдат и офицеров, все были готовы к встрече с врагом.

Одновременно со всех сторон начали выползать танки противника, за которыми следовала пехота. Наша батарея оказалась в центре боевых действий, нам пришлось вступить в неравный бой с танками и пехотой врага. Первым открыл огонь взвод лейтенанта Церковного. В этом бою орудийные расчеты продемонстрировали высокое мастерство и стойкость.

Особо хочется отметить героический подвиг командира орудия сержанта Шарова Николая Ивановича*. Враг бросил в атаку большое количество танков. Главный удар принял его расчет. Первым же выстрелом Шаров на расстоянии 400 м уничтожил головной танк.

Вскоре приблизились еще 10 танков с пехотой. За Шаровым огонь открыл расчет младшего сержанта Парфенова, который уничтожил второй танк. Однако этот расчет вскоре прекратил стрельбу: тов. Парфенов был убит на своем боевом посту, погиб также наводчик красноармеец Джежили**, а заряжающий Кистанов был тяжело ранен.

Открыли огонь и другие орудия. В ходе артиллерийской дуэли казалось, что на земле не останется ничего живого. Дружно со всех сторон повели стрельбу противотанковые пушки. Для поддержки своих наступающих частей противник без конца, эшелон за эшелон, группами по 20-30 самолетов бомбил позиции нашей армии. Авиации противника противостояли наши летчики и зенитчики. Не могу не выразить свою глубокую благодарность конструкторам истребителя Ла-5, на котором наши летчики в жестоких боях успешно боролись с мессершмитами и фокке-вульфами противника. Моя батарея в этом бою уничтожила два немецких самолета, причем один из них врезался в землю и взорвался в 200 м от нас.

После захода солнца наступило некоторое облегчение, спала жара, стало легче дышать. Значительно улучшилась видимость, четко определилась линия фронта и местность, на которой продолжались танковые и артиллерийские сражения. От горящих танков, как от гигантских костров, поднималось пламя, огромная огненная дуга обозначала передовую линию, разделяющую нас и противника.

Но битва двух армий продолжалась: ревели мощные моторы танков, передвигались техника и люди, каждая сторона стреми-

* Шаров Николай Иванович, 1914 г. р., урож. с. Тилино Тарского р-на Омской обл., призван ГВК г. Улан-Удэ, погиб 14.07.1943 г., похоронен в 1 км. западнее дер. Круглик Обоянского р-на Курской обл.

** Джежили Иван Никифорович, 1906 г.р., урож. Полтавской обл., похоронен 500 м. севернее с. Заройские дворики Обоянского р-на.

лась улучшить исходные позиции, готовясь к новой схватке. Все время была слышна трескотня пулеметов, автоматных очередей, рвались снаряды и мины. Обстановка на передовой менялась каждую минуту.

На рассвете мне было приказано занять новую огневую позицию ближе к Белгородскому шоссе в районе Верхопенья. Июльские ночи коротки, потеря даже одной минуты могла дорого стоить.

Мы снялись быстро, вопреки всем правилам — движения совершали колонной. Я, как всегда в пути следования, стоял на подножке, с немного приоткрытой дверью. С такого положения удобно наблюдать за своей колонной, а также за местностью. Это важно, так как марш мы совершали по полям, где встречались различные препятствия — глубокие воронки от авиабомб и снарядов, разбитая и искореженная техника.

Во время движения наша машина врезалась в валявшуюся башню танка, которая находилась на расстоянии 10 метров от места взрыва танка. Прямое попадание тяжелого снаряда в танк, в котором было много боеприпасов и горючего, вызвало детонацию и разнесло танк на куски, которые, включая башню, разлетелись в разные стороны.

В два часа ночи мы добрались в новый район. Сходу, не теряя ни минуты, начали обустройства позицию. Сначала отрыли окопы для орудий, укрытия для расчетов и подготовили орудия к стрельбе, произвели маскировку. Автотранспорт отправили в укрытие.

Во время инженерных работ все трудились очень быстро и слаженно. После дневного боя, ночного марша и оборудования огневой позиции люди вымотались до такого состояния, что с трудом держали лопату в руках, все стали грязные, пыльные, только глаза и зубы блестели на темных лицах.

На этот раз местность для огневой позиции оказалась не совсем удачной. Противник имел возможность просматривать расположение наших войск далеко вглубь, однако сменить позицию обстановка не позволяла.

По окончании всех работ была установлена связь со штабом нашего полка, который в это время находился западнее — в двух километрах от нас. Командир полка подполковник Гузенко

вызвал меня к телефону, однако мой доклад о готовности батареи к бою он прервал и отдал новый приказ немедленно оставить позицию и следовать в западном направлении, выйти на Белгородское шоссе, идущее в сторону г. Обоянь, где нас встретит офицер штаба полка. Нас огорчил этот приказ.

Только закончился разговор с командиром полка, как на батарею посыпались мины, одна за другой. Одна из мин прямым попаданием накрыла 1-е орудие. При этом погиб его командир Шаров Н. И., ранило красноармейца Чернышева. Командир 3-го орудия Новиков, назначенный вместо убитого ранее Парфенова, открыл ответный огонь. Стала стрелять по врагу и соседняя артиллерийская батарея и, таким образом, минометчики врага были уничтожены.

Как только утихла стрельба, ко мне подошел командир взвода лейтенант Церковный Иван Прокофьевич*, чтобы обсудить выполнение приказа о срочном сворачивании батареи.

И тут же с южной стороны на нас двинулась пехота противника численностью около 200 человек. По ней мы открыли огонь из орудий, произвели несколько выстрелов. Поднялась такая пыль и дым, что мы сами себя перестали видеть. Пришлось прекратить стрельбу. Когда пыль немного улеглась, обнаружили, что враг оказался от нас на расстоянии 150–200 метров. Мы начали стрелять из карабинов, некоторые из бойцов стали бросать гранаты в сторону противника.

Первая атака противника была успешно отбита, на поле боя враг оставил немало трупов. Не успели мы опомниться, вытереть пот с лица и прочистить глаза от пыли, сделать по глотку воды — всех мучила жажда, как началась вторая, более мощная атака.

Враг наступал на наши позиции с двух сторон. Мы развернули свои орудия, произвели несколько выстрелов, и в этот момент буквально над нашими головами с ревом пронеслись немецкие пикирующие бомбардировщики Хейнкель 111. Они, не разо-

* Церковный Иван Прокофьевич, 1918 г. р., в армии с августа 1941 г., призван Харьковским ГВК, дошел до Берлина, награжден многими орденами и медалями.

бравшись в обстановке, начали бомбить, в основном своих же. Вторая группа Хейнкель также накрыла своих.

Затем нам на выручку прилетели наши штурмовики Ил-2, которые из пулеметов и пушек начали добывать оставшихся фашистов. Мы в эти минуты тоже не сидели сложа руки, ловили на мушку удиравших фрицев. Не опоздала и наша пехота, смело пошла в атаку, и противник начал удирать, кто куда. Это сражение длилось около полутора часов.

Я особенно хочу отметить высокое воинское мастерство, стойкость в бою ефрейтора Калинина, красноармейца Черникова, к сожалению, оба погибли. От прямого попадания авиабомбы погибли также младший сержант Тебеньков. Получили ранения Розов, Прохоров, позже был ранен и госпитализирован красноармеец Монах. Храбро сражались рядовые Куракин, Кулик, Абакумов, Хохлов, Ахтямов, Сычев, ефрейторы Травкин и Моисеенко.

К концу июля враг продолжал ожесточенно атаковать, пытаясь переломить ситуацию в свою пользу. Было заметно, что противник истекал кровью. Он метался как зверь в клетке — не получилось в одном месте, искал дыру в другом. Впоследствии стало известно, что на обоянском направлении он собрал большое количество войск, одних танков около 500, и вначале, большой ценой, ему удалось продвинуться вдоль Белгородского шоссе примерно на 10 км. На большее он был неспособен.

В это время батарея, которой я командовал, следовала в другой район на новые позиции. Совершенно случайно мы встретились с командующим фронтом т. Ватутиным, с ним в машине сидел Хрущев.

От т. Ватутина я получил распоряжение развернуть орудия вдоль шоссе и останавливать отходящие танки. Если кто не будет выполнять приказания, расстреливать в упор. Командир взвода лейтенант Церковный с красным флажком вышел на шоссе для остановки и предупреждения танкистов.

Не прошло и 10 минут как подошли около двадцати машин Т-34. У одного из танкистов спросили: «Струсил?». Ответ был — нет, просто пылища и ничего не видим. Наши танкисты успокоили свои напряженные нервы, осмотрелись и снова двинулись в бой, в атаку на врага. Произошло столкновение танковых по-

дразделений, ухала артиллерия, совсем рядом то в одном, то в другом месте в сражение вступала и пехота, разгорелась напряженная борьба.

На этом направлении врагу не удалось пробиться к Обояни. Это была его последняя ставка. Историки подсчитали: за один день боев 8 августа 1943 года гитлеровцы потеряли 230 танков и самоходных орудий, 11 тысяч солдат и офицеров (архив МО ор. 203, ОП. 51354 Д. 18, л. 8 — прим. автора).

Наши танкисты, артиллеристы и пехотинцы, авиаторы заставили врага на этом направлении перейти к обороне. За период ожесточенных боев с 6 по 28 июля моя батарея сменила около 15 огневых позиций в районе Ивня, д. Сердево, Ольховатка, Чеповка, Павловка и другие. Смены позиций происходили в основном ночью.

Нами было уничтожено 6 самолетов противника, 4 танка, две минометные батареи, 4 бронетранспортера и около 130 солдат и офицеров немецкой армии.

После неудачи на обоянском направлении враг решил нанести новый удар, теперь на Прохоровку, с целью обойти Обоянь с востока и продолжить наступление на Курск.

Для осуществления мощного удара (согласно архивным материалам) к 11 июля на Прохоровском направлении в районе севернее Покровки стягивалась большая часть соединений 4-й танковой армии врага — четыре танковые и одна пехотная дивизия, танковые дивизии 2-го танкового корпуса СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Райх». В этой группировке насчитывалось до 700 танков и самоходных орудий. Кроме того, в полосу действий 4-й танковой армии срочно перебрасывался из Донбаса последний резерв гитлеровцев. Всего враг бросил в район Прохоровки почти 1000 танков и самоходных орудий.

В этом районе в распоряжении командующего 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова было около 750 танков, в основном Т-34, и самоходные артиллерийские установки.

Утром 12 июля в 8 часов на врага обрушился огонь советской артиллерии, с воздуха его бомбила наша штурмовая авиация, сотни тысяч бомб и снарядов буквально перепахали узкий участок фронта.

Вслед за артиллеристами и летчиками в атаку на врага пошли танкисты первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии. Началось Прохоровское сражение, с обеих сторон в нем участвовало около 1,5 тысяч танков и самоходных орудий.

На поле боя перемешалось огромное количество боевых машин, трудно было определить, чья сторона наступала, кто оборонялся. За день боев в районе Прохоровки противник потерял свыше 350 танков, более 10 тысяч солдат и офицеров (архив МО ор. 203, ОП. 51354 Д. 18, л. 8).

Огромные потери, нанесенные в этом сражении немецко-фашистской армией, окончательно истощили ее силы. Она уже не могла продолжать наступление на Курск ни через Обоянь, ни через Прохоровку.

Под ударами советских войск враг начал отходить, как говорили немцы, «на заранее подготовленные позиции». С 12 июля, на многих участках фронта наши войска начали громить врага, создались предпосылки для перехода советских войск в невиданное еще по размаху гигантское контрнаступление.

Первая танковая армия Катюкова громила врага вдоль шоссе Обоянь-Белгород, а уже 20 июля удары по отходящему противнику нанесли все армии Воронежского и Степного фронтов.

20 июля, после некоторого перерыва, удалось написать письмо жене: «Поверь, не было ни одной свободной минуты, несколько дней подряд проходили бои с невиданной силой, чтобы выдержать, победить и остаться в живых самому и сохранить товарищей нужно по-настоящему драться с врагом и бить его до тех пор, пока его голова не будет в кустах. Сейчас стало легче, только глаза слипаются — спать хочется, и следовало бы пыль стряхнуть. Пищу принимали от случая к случаю. Вчера вечером мои солдаты устроили баню, нагрели воды, залезли в кузов автомашины и начали там купаться, меня также пригласили. Знаешь как здорово, лучше чем в московской бане, сделали дырки в гильзе от снаряда и получился душ».

Битва под Курском постоянно находилась в центре внимания всех — от солдата до генерала. Успех и проявленный героизм радовали всех. Некоторые неудачи с большой болью в душе воспринимались всеми участниками сражения.

Мы радовались таким героическим примерам, как подвиг командира 1-го танкового батальона 181-й танковой бригады старшего лейтенанта В. П. Еликова, который поджег «пантеру», подбил «тигр», раздавил два орудия, миномет, три пулемета, разбил блиндаж с укрывавшимися там гитлеровцами. Или такой редкий пример: в одном бою солдат вывел из строя «тигр», сел сверху и закурил от радости в ожидании пока не будет составлен акт и подписан очевидцами, подтверждающими его личное уничтожение вражеского танка. Этот случай облетел все подразделения армии.

В одном бою лейтенант В. С. Шаландин разбил два «тигра» и два средних танка; лейтенант Б. А. Можаров также уничтожил два «тигра». К сожалению, оба героя погибли.

О таких событиях, о героях сражений политработники неустанно доводили сведения до личного состава, сообщали о действиях своих частей и соседей.

В данный период нашим соседом слева была 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, справа действовали танкисты генерал-лейтенанта В. М. Баданова.

На всех бойцов и командиров сильное впечатление произвел беспримерный подвиг летчика лейтенанта А. К. Горовца, сбившего в одном бою десять вражеских самолетов. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Нам, зенитчикам надо было встречать и оберегать наших штурмовиков, которые возвращались с боевого задания. Зачастую было и так, что в этот момент наши истребители втягивались в бой с истребителями противника, а штурмовики оставались без прикрытия. В таком случае они держали курс через позиции зенитных батарей, и мы прямой наводкой отсекали от них истребители противника.

Они, пролетая через наши огневые точки, всегда приветствовали нас покачивая крыльями. Мы в ответ бросали свои пилотки и громко кричали «Молодцы, герои».

Припоминается такой случай, произошедший 8 июля 1943 года. Под палящим солнцем через дымку и пыль самолет можно было опознать только на близком расстоянии. Прошла первая группа наших штурмовиков, а по второй группе из одного ору-

дия произвели выстрел. Летчик потом показал пробоину в левом крыле, однако вопрос остался открытым, мы или противник это сделали.

Поражение гитлеровской армии под Курском резко отразилось на офицерском составе немецкой армии, надежды на успех, который обещал Гитлер, не оправдались, офицеры стали менять взгляды на перспективы окончания войны. Что касается рядовых, то они выражались просто и кратко: «Гитлер капут». Мы это чувствовали по поведению пленных, не то что в 1941 году.

Падение морального духа солдат и офицеров дало первый импульс недоверия народа к государственным руководителям, сказалось на моральном духе населения всей Германии.

В последние дни июля наши войска сокрушили глубокую оборону противника. 5 августа были освобождены Орел и Белгород. Столица нашей Родины, Москва, впервые в честь одержанной победы салютовала войскам.

За проявленное мужество и отвагу в боях за Родину были награждены правительственными наградами: орденом Красной Звезды я, лейтенант И. П. Церковный, сержант Бойцов, Гуленко и др.; орденом Отечественной войны Нестеров, Митрофанов, Невзоров, Н. И. Шаров и др. Представлен к правительственным наградам почти весь состав батареи.

Эта победа вселила еще большую уверенность в наших силах армии и всему советскому народу.

На запад

После разгрома немцев под Курском, наши войска с боями продвинулись на запад, освобождая от захватчиков города и другие населенные пункты.

Моей батарее пришлось участвовать в форсировании Днепра и в боях за освобождение Киева. В этих сражениях нами было сбито 4 самолета противника, взорван один танк, подавлено несколько огневых точек, уничтожены десятки пехотинцев врага.

23 ноября 1943 года в бою под Житомиром я получил контузию и был отправлен в госпиталь на излечение. После госпиталя 3 января 1944 года получил новое назначение на должность заместителя командира 132-го зенитно-артиллерийского полка 68-й зенитно-артиллерийской дивизии РВГК, которой командовал в то время полковник Козлов Александр Федорович.

И уже в январе 1944 года пришлось участвовать в знаменитой Корсунь-Шевченковской операции, где наши части в упорных боях окружили и уничтожили многие тысячи солдат и офицеров противника. Весной 1944 года 68-я дивизия была включена в состав 4-й танковой армии генерал-полковника Лелюшенко Дмитрия Даниловича.

В составе этой армии пришлось участвовать в Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской и Верхнее-Силезской операциях. В ходе этих сражений, зачастую под огнем противника, приходилось форсировать такие большие водные преграды, как Вислу, Одер, Нейсе, Побер, при форсировании последней погиб командир дивизии А. Ф. Козлов, вместо него командиром был назначен полковник Богун Николай Александрович.

В ходе этих боев полк порой был разделен на две группы. Одну из них возглавлял я. Группа состояла из двух 3А батарей, командиры — Вураки Андрей Федорович и Козулин, и подразделений зенитных пулеметов. Эта группа прикрывала от зенит-

ных атак противника 10-танковый корпус генерал-лейтенанта Е. Е. Белова.

Вторую группу возглавлял командир полка В. А. Васильев. Зачастую связь между группами осуществлялась только по радио.

В апреле 1945 года, накануне начала Берлинской операции, 68-я зенитно-артиллерийская дивизия РВГК стала 6-й гвардейской. В период этой операции дивизия участвовала в захвате Потсдама и юго-восточной части Берлина.

Берлин пал 2 мая. И в тот же день части 4-й танковой армии получили директиву командующего войсками 1-го украинского фронта начать подготовку к участию еще в одной важной операции — Пражской, по окончании которой и встретили Победу.

Вперед, на Прагу! Победа!

После того, как знамя Победы было водружено над рейхстагом, с облегчением вздохнули усталые, измотанные до предела наши воины. Радостное чувство охватило наших солдат, офицеров, генералов, которые с честью пронесли победоносное знамя. Солдаты от радости салютовали из всех видов оружия, необыкновенное счастье охватило всех, казалось, что все окружающее нас ожило: земля, леса, небо. Это были радостные дни мая 1945 года, но и в эти дни еще были погибшие.

Сразу же, после берлинских сражений, командующий 4-й танковой армии 1-го украинского фронта генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко провел срочное совещание командиров своих частей, на котором коротко охарактеризовал обстановку и поставил задачу перед танкистами, артиллеристами и воинами других частей и подразделений — немедленно выступить для оказания помощи восставшей Праге.

Наши войска должны были пройти расстояние около 200 километров. Если на пути следования появится противник, мы должны были по возможности не ввязываться в бой и сделать все возможное, чтобы выполнить главную задачу — прийти на помощь Праге. Там, где противник мог препятствовать нашему движению, мы были обязаны принять меры для полного уничтожения врага.

При подготовке к выступлению мы должны были освободить весь транспорт от личных грузов, иметь в достаточном количестве только боеприпасы, горючее и продовольствие.

В начале нашего марша все шло хорошо, спокойно и тихо. Колонна прошла большое расстояние, но где-то не доезжая Дрездена, слева от нас появился враг. Мы его заметили, были готовы вступить в бой, но, помня главную задачу, продолжили движение.

Враг умышленно пропустил часть наших войск и только после открыл стрельбу по колонне. Наши танкисты и артиллеристы дали ответный огонь. В ходе перестрелки противнику уда-

лось разбить несколько грузовых машин, были раненые и убитые. Для головной части нашей колонны последовал сигнал — в бой не вступать, ускорить движение.

Продолжая свой путь, мы вступили в крупный промышленный центр — г. Дрезден. Вокруг Дрездена и на окраине города стоял сильный запах горящих машин, зданий, валялись тлеющие обломки — следы сильной бомбардировки. Не задерживаясь, мы двинулись дальше.

При передвижении наших войск на участке Дрезден-Прага от каждого солдата и офицера потребовались высокая бдительность, напряжение сил и умение четко действовать, особенно в горно-лесистой местности.

Где-то на этом участке, из-за давности не помню точно место, произошла встреча с американскими войсками. Они двигались по хорошей прямой дороге. Мы в это время совершали свой марш по проселку. На пересечении этих дорог и произошла встреча с американцами. Я вышел из моей машины, подал сигнал флажком, чтобы они продолжали свой путь.

Колонна американских войск состояла из танковых частей, артиллерии и автомашин с пехотой. С головного танка спрыгнул командир и направился к нашей колонне, к нему присоединились несколько человек. Они предложили нам продолжать свое движение. Мы приняли их предложение, поблагодарили, пожелали друг другу счастливого пути, обменялись крепкими рукопожатиями и на этом расстались.

Путь от Дрездена до Праги оказался трудным и опасным: дважды приходилось пробивать себе дорогу, вести борьбу с окопавшимся врагом, который использовал для обороны естественные преграды. Нам приходилось вступать в бой с ходу. Мы несли большие потери. В группе, которой я командовал, погиб командир батареи Яненко, командир взвода лейтенант Зорин и четверо солдат.

Наконец, мы подошли к горному перевалу, через который лежал кратчайший, но опасный путь до Праги. В той обстановке искать другой путь для передвижения наших войск не представлялось возможным. Кроме того, перед нами была поставлена задача, во что бы то ни стало выполнить приказ в срок.

Живописные горы покрывали леса изумительной красоты. Путь проходил по однопутной железной дороге. Эта дорога, сложная и опасная, и сегодня живет в моей памяти. Танки шли относительно плавно, что же касается автомашин, имевших на прицепе пушки, то при движении по шпалам узкопутной их бросало в разные стороны. Сидеть на машине было просто невозможно. Видимость из-за высоких гор, деревьев и кустарников была равна нулю. Раздавались голоса солдат: «Попали, как в капкан». Однако этот небольшой отрезок пути в горах, где мы больше всего ожидали неприятностей, прошел спокойно.

Выехав на открытую местность, мы не стали ожидать подхода своих подразделений, которые еще находились в пути, растянувшись на несколько десятков километров, решили продолжать свой путь.

Проехали еще более 40 километров. Несмотря на ранний час неожиданно для нас со всех концов появилось множество людей, которые для встречи нашей армии шли и ехали, кто на чем: кто-то верхом на лошади, кто-то на быке, и все стремились обогнать друг друга. Каждому хотелось быть первым и рассказать нам, что знали о противнике. Информация была настолько свежей и правдивой, что уточнять ее не потребовалось.

До Праги оставалось около 10 км. Дорога была прямая, и мы тронулись в путь. Параллельно нашему движению верхом на быке ехал юноша-чех. Он старался поддерживать предельную скорость, чтобы продлить встречу. В нашей колонне, которая в то время состояла из нескольких машин, раздавался неудержимый смех. Наблюдая за «всадником», солдаты кричали: «Спасибо, паренек, порадовал ты нас своей необычной ездой, возвращайся домой». Мы все были тронуты первой встречей с чешским населением, искренностью людей, и это еще больше вдохновило нас на выполнение боевой задачи.

Подъезжая к западной окраине Праги, остановились у широкой развилки дорог. К этой развилке прибыли только три танка и я с командиром батареи Вураки или Козюлиным (точно не помню). Следом за нами подъехала одна машина с противотанковой пушкой на прицепе и еще ракетная установка «Катюша». Так мы подошли к окраинам Праги. Завязались бои с немецкими

войсками. Вначале бои носили ожесточенный характер, причем мы вступали сходу. Большую помощь нам оказали боевые группы горожан, которые вели бои на своих баррикадах.

Вскоре противник был подавлен, и мы двинулись дальше в город. Вначале пришли три танка и я с двумя зенитными пушками, все из 4-й танковой армии генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко.

После войны в своих воспоминаниях бывший командующий 38-й армии генерал-полковник, а впоследствии маршал К. С. Москаленко писал, что его армия первой вступила в Прагу — только немного раньше в город вошли 3-4 танка 62-й бригады из 4-й гвардейской танковой армии генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко. Итак, мы были первыми, кто вошел в Прагу и встретился с населением этого прекрасного города.

Несмотря на сложную обстановку казавшийся пустым город стал быстро оживать. Для встречи наших войск на улицы вышло такое количество людей, что трудно себе представить. В одно мгновение город принял праздничный вид, все кругом было заполнено людьми. На их лицах выражалась радость и доброта, с большим волнением они старались объяснить все, что пришлось им пережить.

Я припоминаю, как один мужчина решил преподнести мне подарок — медальон с цепочкой. От волнения он не мог его снять со своей шеи, тогда ему на помощь пришла девушка и сняла с него медальон. От переполнения чувств мужчина начал целовать девушку, она его оттолкнула, что-то по чешски сказала, после чего он буквально кинулся ко мне, надел свой медальон, стал обнимать. За ним потянулись многие, каждому хотелось поближе подойти к нашим воинам-освободителям, пожать им руку, поблагодарить за избавление от фашистского ига.

Появилось много цветов, различных красочных плакатов, портретов Сталина. Пражане преподносили целыми корзинами угощения. Этот день надолго останется в памяти наших воинов.

После Праги мы взяли курс в южном направлении, продвинулись, примерно, на 20 километров. 11 мая 1945 года на расвете остановились на широком поле. С левой стороны, в двух километрах от нас четко был виден лесок, местами — мелкий

кустарник. Несмотря на то, что наша остановка в ожидании растянувшихся подразделений была короткой, множество солдат успели уснуть крепким сном — устали.

В это время подъехала машина нашей армии с ранеными солдатами. У них был приемник, и они услышали сообщение о том, что немецко-фашистские войска капитулировали. Эта весть прозвучала как весенний гром. Пришла вторая радость после Берлина — слово «Победа» прозвучало на чешской земле. Из всех видов оружия мы салютовали 6 часов. С честью выполнена историческая задача, поставленная перед нашими войсками.

Только в боях за Прагу было взято в плен более 4 тысяч немецких солдат и офицеров. На всех направлениях на подступах к Праге войска противника были окружены плотным кольцом, их дальнейшее сопротивление стало бесполезным, и они начали складывать оружие.

Наш 432-й гвардейский полк, действовавший в составе 4-й гвардейской танковой армии, прошел славный путь до победного дня. На своем счету полк имел большое количество сбитых самолетов противника, подбито много танков и другой боевой техники, взято в плен, а также уничтожено множество солдат и офицеров противника. Многие наши солдаты и офицеры были награждены боевыми орденами и медалями, в том числе получили медаль «За освобождение Праги».

В новом районе сосредоточения, как и раньше, были трогательные встречи с местным населением. Вспоминается один трогательный эпизод. К нашим солдатам подошли маленькие дети, примерно от 4-х до 6-ти лет. Мальчишки старались подойти поближе, посидеть на пушке, их усаживали в кабину автомашин, давали потрогать автоматы. По всему населенному пункту были слышны радостные, звонкие детские голоса. С детьми играли, носили их на руках. Они были веселы и счастливы.

Некоторые из детей приносили свои игрушки, дарили их нам от всей души. Их добрые лица и сверкающие глазки говорили за всех малых и больших людей. Многим солдатам в эти минуты вспомнились свои дети, которых они так давно не видели.

У меня сохранилась фотокарточка самой смелой и активной девочки. Эта девочка преподнесла мне цветок и рассказала стишок, после чего мы сфотографировались на память, она сидит на руках у нашего командира полка Васильева. Интересно было бы узнать, как сложилась ее дальнейшая судьба.

Мне хотелось бы закончить свое повествование следующими словами. День Победы навсегда останется в благодарной памяти народов. Этот день, когда победоносно завершилась Великая Отечественная война, когда мир был спасен от фашистского порабощения. 1418 дней и ночей длилось тяжкое бремя испытаний, и чем ярче и полнее предстает перед нами величие подвига нашего народа, тем острее проявляется интерес ко всему, что связано с героическим прошлым, тем сильнее желание сохранить для потомства вечную память о тех, кто шел к Победе дорогами войны и кто не дожил до светлого дня. Мы должны быть вечно благодарны тем, кто отдал жизнь за наше Отечество, за освобождение народов Европы, за наше счастье и процветание.

Послесловие издателя

После окончания войны автор книги Федор Иванович Лапко служил в частях ПВО Московского военного округа. Вышел в отставку в ноябре 1956 года в звании подполковника. Последние годы жизни до 1985 г. работал в системе Министерства финансов СССР.

За годы войны был награжден орденом Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны и 10 медалями. Трижды представлялся к ордену Красного Знамени, но представление было отклонено без объяснения причин.

Последний, наступательный период войны, боевой путь 432-го полка 6-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии, а также личное участие автора книги в этом отражены в музее боевой славы дивизии, при московской школе № 555 (в 2011 г. в связи с капитальным ремонтом школы музей был переведен в школу № 1680).

Этот музей был создан Советом ветеранов 6-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии 17 мая 1985 года.

В становлении и развитии музея активную роль играл бывший соратник автора, председатель Совета ветеранов с 1991 года, генерал-майор, кандидат военных наук Вураки Андрей Федорович, который в войну командовал батареей и был представлен автором книги к званию Героя Советского Союза. Данное представление по неизвестным причинам также не прошло более высокие инстанции.

А. Ф. Вураки с большой теплотой вспоминал об авторе и о совместных боях против фашистов. К сожалению, этот прославленный воин, умный и красивый человек, ушел из жизни в декабре 2008 года.

Все упомянутые в книге имена подлинные и, возможно, родственники павших или без вести пропавших воинов, прочитав ее, узнают о судьбе своих близких.

Свое повествование автор довел до лета 1943 года, им же были написаны отдельные страницы, посвященные взятию Праги. Раздел книги, касающийся второй половины 1943 г. и 1944 г., составлены по отдельным заметкам автора.

О накале боев в операциях 1943 г. и на заключительном этапе войны можно судить по приводимым отрывкам из писем с фронта.

В новом издании книги «Солдаты 41-го» использованы записи автора о Курской дуге и Пражской операции, обнаруженные в семейном архиве.

Материалы подготовил к печати и издал сын автора Владимир Федорович Лапко.

Федор Лапко — письма с войны

Из письма от 18 июня 1943 г.:

«Мы участвовали в крепких и ожесточенных боях. На нашу долю выпало счастье остановить врага и повернуть обратно. Мы это сделали. Сейчас отдыхаем уже 5 дней... Мне вот только... передали, что есть приказ по армии, якобы меня наградили орденом Красной Звезды, только получу — сразу сообщу. Тогда можно вытпть. Успехи сейчас неплохие. На моем счету сколько уничтожено! За вас всех».

Из письма от 18 июля 1943 г. (Курская дуга):

«Немцы называют меня дураком и идиотом [противник периодически настраивался на радиочастоту батареи и говорил «комплименты» — прим. ред.]. Ну и следует. Я как раз двое суток участвовал в ожесточенном бою и уничтожил 6 самолетов противника, один танк и минометную батарею, успехи неплохие, ну и кроме этого есть и другие. Мне тоже немножко попало, ну не особенно. Убито 4 человека и ранено 6 человек... Лично я имею маленькую царапину на левой руке... Наступление немцев захлебнулось, наши войска удержали грозную силу, а сейчас начали громить... Сейчас заканчиваю. Началась артиллерийская стрельба. Спошной гул».

Из письма от 9 августа 1943 г. (Курская дуга):

«Я сегодня 9.8.43. получил благодарность за стрельбу по фашистским самолетам, у меня как раз присутствовало большое командование, когда я вел боевую стрельбу. Уже сбил самолетов 14 штук: «Юнкерсов-88» — 9 штук, «Юнкерсов-87» — 3 шт., «Мессеримитов» — 2 шт., ну и другая мелочь, как, например, фрицы, их обозы и т.д.».

Из письма от 11 августа 1943 г.:

«Успехи у нас на фронте замечательные. Я думаю, что скоро буду дома [в селе, где родился — прим. ред.], как раз в этом направлении мы продвигаемся на запад. Харьков остался слева...».

...На Украине всего очень много... Люди даже не хотят денег с нас брать. Я стоял возле одной деревни, несут капусту, буряк, яблоки, груши, готовят пищу бойцам, а одна гражданка теленка дала...».

Из письма от 30 января 1945 г.:

«С командиром полка живу хорошо и зам. его по политической части майор Захаров прекрасный друг...

...Я нахожусь сейчас на маленьком плацдарме г. Кебен... Плацдарм брали солдаты, из которых 14 человек вчера представлены к Герою Советского Союза. Сейчас нас много переправилось через реку. Столкнуться не удастся. Победа будет за нами.

Немцев уложено четыре цепи как снопов на поле, ни один не ушел».

Из письма от 24 февраля 1945 г.:

«...Нас маленькая горсточка воинов решилась на смерть и на отвагу, сходу взяли 2 города Зарау и Пратлау, имея приказ Сталина.

...Я, и со мной несколько групп солдат, ворвались в г. Петраков. На вокзале происходила посадка пассажиров, стояли поезда для отправки в Германию. Пришлось задержать железнодорожное движение и произвести разгрузку. ...Все население поднимает руки вверх и сдается».

Из письма от 3 марта 1945 г.:

«...Хозяин у нас новый, полковник Богун, старичок, симпатичный мужчина. 30.II. отпраздновали присвоение звания нашему полку Петраковского, вчера 2.III. получили телеграмму, полк награжден орденом Богдана Хмельницкого».

Из письма от 26 марта 1945 г.:

«Калоссальные успехи наших войск над немецкими бандитами. Мы взяли г. Нейсе и Лойдуши. Ясно, что не первый раз брать такие города и не последний. Еще будем брать, пока не останется ни единого немецкого бандита. ...Надеюсь, что до конца войны будет отомщено за моих братьев, погибших в борьбе с немецкими захватчиками.

Я являюсь зам. командира части, доволен, и мной довольны. Только командую отдельно, и штаб свой не видел с начала наступления, только связь держу по радио».

Из письма от 5 апреля 1945 г.:

«Я и ст. лейт. Яненко, который позже погиб, пошли выбирать огневую позицию. Только вышли на высоту, он, бандит, засек нас двоих и открыл артиллерийский огонь, всыпал 24 снаряда. Мы прижались к земле и друг с другом прощаемся, лежали мы за деревом (один дуб стоял, толщина его 30 сантиметров), и последний снаряд попал под корни, свернуло дерево на нас, но как-то удачно, только ветки по спине. И мы потом оттуда поползли в сторону и так остались живы.

...В бригаде [танковой. — прим. ред.] дали мне маршрут движения один, а бригада на марше свернула в сторону, не поставив в известность, и пришлось махнуть туда, где немцы. На рассвете приехали в деревню Грозау, я ехал на головной машине и прямо подъезжаю к первому дому остановиться. Смотрю, во дворе две легковые автомашины, я подумал, что наши части. Только подошел к дверям, как мне навстречу немецкий офицер и 4 рядовых. Я крикнул: «Хенде Хох» (руки вверх), — и они сдались. Вторая группа немцев открыла по нам огонь, после чего я пустил в ход свои МЗУ [малокалиберные зенитные установки — прим. ред.], так что немцам нельзя было и голову поднять, и победа осталась за нами. Населенный пункт достался нам с богатыми трофеями, меня представили к награде Отечественной войны 1 степени...».

Из письма от 5 апреля 1945 г.:

«Майору Захарову жена прислала фотокарточку, и его сынишка сфотографирован в детских яслях вместе с другими ребятами, и он не знает его. Отослал запрос жене, в каком ряду и какой по счету. Вот смех был, отец не узнал своего сына.

...Полковника Козлова [командир дивизии. — прим. ред.] убило с самолета «Фоке-Вульф 190». Бомбили нас, и осколок попал в голову. Он только успел сказать: «Не обижайте мою часть, которая героически дерется с немецкими захватчиками». Похоронили его во Львове».

Из письма — май 1945 г.:

«...По приезде расскажу подробно, такие операции, как форсирование р. Одер, Шпрее, Нейсе, Побер, взятие Берлина, Праги и сотни других городов. Сколько погибло у нас молодых людей. Мы сейчас пишем историю полка и написали список погибших... Это ужас один... И последний случай приведу с майором Захаровым. Ему изрешетили немцы всю фу-

ражку, и он ее хранит. Захаров лежал в яме мусорной с 2-х часов ночи до 10 часов утра под Берлином, через него прошло 1500 человек немцев, которые потом в этом же районе как падаля валялись уничтоженные нашими славными бойцами, выручили его. 1500 человек трупов наложено, да таких вещей много можно привести».

Из письма на фронт от жены от 9 мая 1945 г.:

«День Победы! 9 мая 1945 года г. Москва.

..Я была два раза на Красной площади, которая переполнена нарядной веселой толпой. Потом вместе с этой толпой бежала по улице за Рокоссовским и кричала "ура". Мне отдавили все ноги, чуть не упала и все-таки бежала. Хотелось качать его. А он шел вначале один, а потом из толпы несколько человек сделали цепочку, чтобы его не раздавили. А он идет, улыбается и рукой машет...

...Скорее приезжай, жду, очень жду тебя я и все наши. Это наша общая мечта и общее желание, чтобы ты скорее приехал домой».

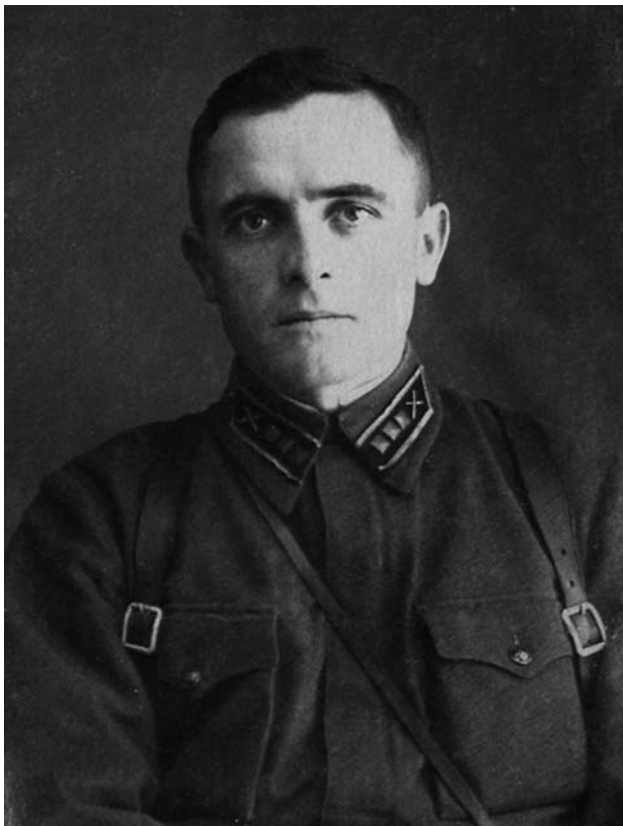
Из письма от 10-14 мая 1945 г.:

«...Поздравление твое действительно, ордена такие: Красная Звезда, Отечественной войны 1 степени и Александр Невский, а меня по радио поздравляли с Красного Знамени ошибочно... Но, к сведению, представляли 3 раза к Красному Знамени и все три раза отказали. Причина не ясна».

Из письма от 15 мая 1945 г.:

«Мы занимались большими делами. Мы взяли Берлин, мы брали Прагу. Подумай только, наш маршрут, не считая боев. Я лично со своей группой в одном бою взял 300 человек только пленных.

...Мы сидели в грязи в 23.00, думали, как там выбраться из этого болота, вдруг радио части передает "войне конец", салют давали 6 часов подряд».

Автор книги Лапко Федор Иванович, 1942 г.

Автор в 1943 г.

Командир 68-й зенитно-артиллерийской дивизии РВГК
(с апреля 1945 г. 6-я гвардейская зенитно-артиллерийская дивизия)
полковник Богун Николай Александрович (справа).

Комдив Богун Н. А.

432-й полк на построении (первый слева — автор)

Вручение 432-му полку гвардейского знамени. 1944 г.

432-й полк 6-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии.

Сидят: в центре командир полка Васильев Василий Афанасьевич,
слева нач. штаба Царапкин Виктор Федорович,
справа замполит Захаров Сергей Сергеевич.

Стоят: зам. ком. полка по строевой части
Лапко Федор Иванович, справа нач. разведки Воронин А.

Командир 432-го полка Васильев В. А.,
зам. ком. полка Лапко Ф. И. (справа) с чешской девочкой (май 1945 г.).

Замполит Захаров С. С. (слева),
зам. ком. полка Лапко Ф. И.
Чехословакия, май 1945 г.

После освобождения Праги.
Батарея, которой командовал ст. лейтенант Козулин,
одна из первых вошла в Прагу.

Парад Победы 6-й гвардейской танковой армии.
Возглавляет генерал Лелюшенко Д. Д.
Австрия, июнь 1945 г.

Празднование 70-летия
образования 4-й гвардейской танковой армии.

Торжественное собрание состоялось 29 июня 2013 г. в клубе 154-го отдельного комендантского Преображенского полка. В президиуме собрания крайний справа генерал-майор Власин Александр Павлович, командующий 20-й армией, являющейся наследницей 4-й гвардейской танковой армии.